

ЯПОНИЯ

МОРП И ПРОЛЕТАРСКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЯПОНИИ

Статья К. Рехо

Взаимоотношения МОРПа и японских революционных писателей — одна из важных глав в истории современной японской литературы. Их взаимосвязи, обусловленные единством идейно-эстетических принципов, в огромной степени способствовали укреплению социалистической культуры Японии. В острой и трудной борьбе с империалистическим гнетом и реакционной литературой деятели японской культуры находили опору не только в революционной борьбе своего народа, но и в международном сотрудничестве революционных литератур.

Вопрос о взаимосвязях японской пролетарской литературы 1920—1930-х годов и МОРПа привлек к себе внимание японских литераторов в послевоенные годы, особенно во время острой дискуссии о том, какой должна быть современная японская литература. Примечательно, что составители девятитомной «серии» материалов по японской пролетарской литературе, вышедшей в 1955 г. (в нее вошли, помимо художественных произведений и критико-теоретических статей, важнейшие документы японского пролетарского литературного движения), сочли необходимым включить в свои сборники воззвание Международного бюро связи пролетарской литературы, обращенное ко всем революционным писателям мира (1924), а также материалы Харьковской конференции 1930 г. Эта характерная подробность прямо свидетельствует о значении упомянутых документов для истории национальной литературы Японии.

Появились в японской печати и специальные статьи, освещающие проблему международных связей японской пролетарской литературы 1920—1930-х годов¹.

В 1964 г. редакция журнала «Бунгаку» («Литература») организовала беседу на тему «Во времена Харьковской конференции» с участием Хирано Кэна (известного критика) и Кацумото Сэйитиро — японского делегата на этой международной конференции.

Внимание японских литераторов к МОРПу не случайно. Значение художественного наследия японской пролетарской литературы, развивавшейся в неразрывной связи с международным движением революционных писателей, особенно возросло в послевоенный период, а ее научная история невозможна без учета этих взаимосвязей.

Однако японские исследователи в своих работах о многогранных международных связях японской пролетарской литературы часто ограничиваются констатацией фактов, не показывая конкретно, к каким организационным и творческим результатам эти связи привели.

Между тем глубокое изучение литературных взаимоотношений японских писателей и МОРПа раскрывает пути развития японской пролетарской литературы 1920—1930-х годов, оно также показывает закономерность процесса взаимодействия всемирных революционных литератур, близких по своей классовой и социальной направленности. Рассмотрение вопроса под этим углом зрения и является задачей данной работы.

* * *

Пролетарское литературное движение, явившееся важным этапом в развитии современной японской литературы, зародилось в начале 1920-х годов в обстановке тяжелого экономического кризиса. Кризис этот, наступивший вслед за первой мировой войной, вызвал обострение социальных противоречий и мощный революционный подъем.

Японию уже потрясали к тому времени «рисовые бунты» (1918) — массовые выступления трудящихся против монополий. Бунты эти являлись очагами революционного движения в Японии, частью всемирного революционного движения, возникшего в результате Великой Октябрьской революции. В 1920 г. была создана первая массовая организация японских социалистов — Социалистическая лига, а в 1922 г. — Японская Коммунистическая партия.

Новая историческая действительность поставила перед японской литературой новые проблемы. Опираясь на свои прежние завоевания и вырабатывая новый творческий метод художественного воссоздания действительности, литература должна была всесторонне отразить революционную борьбу народных масс.

Обращение японских писателей к опыту мировой революционной литературы и изучение советской литературы облегчили решение исторических задач, стоявших перед прогрессивной литературой Японии.

Интернационалистская ориентация японской пролетарской литературы обнаруживается уже с первых шагов ее развития. В 1921 г. был создан журнал «Танэмаку хито» («Сеятель»). Им начался период пролетарского литературного движения в Японии. Основателем этого журнала был Комаки Оми — последователь идей организатора группы «Clarté» — Анри Барбюса. Во время своего длительного пребывания во Франции Комаки Оми был близок к этой группе и горячо поддерживал ее выступления против империалистической войны и в защиту Советской республики. Воззрения группы «Clarté» легли в основу «Танэмаку хито», объединившего вокруг себя писателей различной политической ориентации, но стоящих на общей антикапиталистической платформе. В числе сотрудников журнала были Анри Барбюс, Анатоль Франс и Василий Ерошенко — русский писатель, живший в Японии².

«Танэмаку хито» активно выступал в защиту Советской России от империалистической агрессии. Он развернул боевую кампанию против японской интервенции в Сибири и являлся одним из организаторов Союза сторонников невмешательства в дела Советского Союза.

В ноябре 1921 г. редакция «Танэмаку хито» выступила со следующим заявлением: «Сегодня, когда мировая реакция пускает в ход против России обман и ненависть, мы смотрим на Горького, который всегда стоял на стороне пролетариата, как на выразителя всех наших устремлений»³. Один из видных деятелей пролетарской литературы Ямада Сайдзабуро в своей «Истории японской пролетарской литературы» отмечает, что опубликование заявления «За Горького» сделало «Танэмаку хито» непосредственным организатором японского пролетарского литературного движения⁴. Ямада указывает, что именно это заявление вызвало к жизни статьи «Принцип интернационализма в искусстве» и «Общий фронт в движении искусства» (1922, № 4 и 9). Пролетарская литература должна развиваться под знаком идеи интернационализма, — заявляли авторы этих статей, призывая к созданию в Японии широкого фронта деятелей культуры, сознающих себя участниками международного революционного движения.

В конце 1923 г. реакционное правительство, воспользовавшись паникой, вызванной землетрясением в Токио, попыталось задуть революционное движение в стране. На прогрессивных деятелей культуры обрушились жестокие репрессии. Многие левые журналы, в том числе и «Танэмаку хито», были закрыты.

С июня 1924 г. начал выходить журнал «Бунгэй сэнсэн» («Литературный фронт»), явившийся преемником «Танэмаку хито». В декабре 1925 г. была создана Лига японской пролетарской литературы и искусства (Нихон пурорэтэриа бунгэй рэммэй), и «Бунгэй сэнсэн» стал ее органом.

Образованию Лиги японской пролетарской литературы и искусства предшествовало событие, чрезвычайно важное для международной революционной литературы. Как

«LA FRONTO» («БУНСЭН») —
ОРГАН ЯПОНСКОЙ ЛИГИ
ДЕЯТЕЛЕЙ
РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОГО
ИСКУССТВА, 1928, № 6

Обложка; название журнала на
японском языке и на эсперанто

известно, 10 июля 1924 г. в Москве состоялось совещание представителей пролетарских писателей СССР с делегатами V конгресса Коминтерна. «...Совещание единогласно признало необходимым объединить пролетарских писателей всех стран в сплоченные ассоциации по странам, а эти ассоциации — в Интернационал пролетарской литературы»⁵.

В январском номере «Бунгэй сэнсэн» за 1925 г. было опубликовано воззвание Международного бюро связи пролетарской литературы к «Пролетарским и революционным писателям всех стран», призывавшее их к объединению. Видный деятель японской пролетарской литературы Кацумото Сэйитиро следующим образом охарактеризовал значение этого воззвания: «Обращение московских писателей в 1925 г. * дало толчок к объединению всех революционных и пролетарских писателей Японии, группировавшихся вокруг ряда журналов левого направления (...) Это объединение завершилось в конце 1925 г. созданием Японской ассоциации пролетарской литературы»^{**6}.

Чтобы глубже понять значение этого воззвания для пролетарской литературы Японии, необходимо вникнуть в сложный процесс, который происходил в те годы.

В японской литературе 1920-х годов со всей остротой встал основной вопрос реализма: взаимоотношения человека и общества. В освещении этой проблемы происходило идейное размежевание не только между отдельными направлениями, но и внутри каждого из направлений.

Художническая судьба выдающегося писателя Арисима Такэо показывает сложность пути японской литературы той поры.

Арисима стремился сблизиться с передовым движением эпохи и оказывал большую поддержку журналу «Танэмаку хито», однако он остро ощущал свою отрешенность от пролетариата. Он считал, что, как бы ни изменилось его мировоззрение, он не может стать выразителем дум и чаяний «четвертого класса», поскольку родился в иной социальной среде. Поэтому свою миссию как писателя он ограничивал критикой старого мира. Терзаемый внутренними противоречиями, Арисима в 1923 г. роздал свои

* Неточно: воззвание Международного бюро связи пролетарской литературы было опубликовано в 1924 г. — К. Р.

** Точнее: Лиги японской пролетарской литературы и искусства. — К. Р.

имения крестьянам и покончил с собой. Смерть Арисима была со скорбью воспринята японской интеллигенцией и особенно теми, кто колебался в выборе своего пути.

Однако в 1924—1925 гг., во время общедемократического подъема в стране, в левое движение втягиваются новые силы, к нему примыкают лучшие представители демократически настроенной интеллигенции. Творчество Фудзимори Сэйкити и Эма Сю (Такаси) свидетельствует об окончательном повороте их в сторону пролетарской литературы. Примечательно, что именно тогда происходит идейное размежевание и внутри модернистской, враждебной реализму реакционной группы «неосенсуалистов», объединившихся вокруг журнала «Бунгэй дзидай» («Литературная эпоха»).

Не разделяя эстетической платформы «неосенсуалистов», писатель Кон Токо порывает с модернизмом и в 1925 г. создает журнал «Бунто» («Литературные единомышленники»), тяготевший к пролетарской литературе. К этому журналу примыкал и Мураяма Томоёси, драматург и режиссер, организовавший в 1924 г. авангардистскую группу «Маво», пытаясь применить «новое искусство» в области театра. Последовательный в своих антибуржуазных позициях, Мураяма Томоёси перешел затем в лагерь революционной литературы. В те же годы возник ряд других журналов левого направления: «Сэнто бунгэй» («Боевое искусство»), «Кайхо» («Освобождение»), «Генси» («Начало»), «Бунгэй сидзё» («Литературный базар»), а также пролетарский театальный коллектив «Сэнкудза» («Предтеча»).

В этой обстановке творческого единения деятелей искусства вокруг прогрессивной литературы московское воззвание ко всем революционным писателям мира оказало глубокое воздействие на умы японской художественной интеллигенции.

«Для подлинного художника в нашу эпоху нет выхода, кроме сознательного присоединения к освободительной борьбе пролетариата, ибо капитализм ведет человечество в царство варварства и вырождения, а пролетарская революция — к общественному строю, максимально обеспечивающему расцвет творчества, гармоническое развитие всех сил личности и коллектива»⁷. Эти слова из воззвания, несомненно, были близки умонастроению японских писателей тех лет; они дали толчок к объединению лучших творческих сил японской демократической литературы. Ямада Сэйдзабуро, один из организаторов пролетарского литературного движения в Японии, писал в 1925 г.: «Вопрос о создании Лиги японской пролетарской литературы и искусства оставался открытым уже с прошлой зимы. Да и раньше была сделана подобная попытка. И вот, после получения нами воззвания Международного бюро революционной литературы, подготовительная работа по созданию Лиги сдвинулась, наконец, с места, и теперь созрели условия для достижения нашей цели»⁸.

Но воззвание Международного бюро связи пролетарской литературы не только ускорило объединение передовых писателей Японии — оно помогло им организационно оформиться. Идея создания общего фронта, призыв к единению «поэтов, беллетристов, драматургов, активно ставших под красные знамена пролетарской революции», а также «творцов художественного слова, сочувствующих этой революции», легла в основу Лиги японской пролетарской литературы и искусства. Ее программа была сведена к двум основным положениям, приемлемым для широкого круга прогрессивных писателей:

«Мы стремимся к утверждению в предрассветный период боевой культуры пролетариата».

«Мы стремимся соединенными силами широко развернуть на культурном фронте борьбу с правящими классами и их приспешниками»⁹.

В декабре 1925 г. состоялось учредительное собрание Лиги — первой в Японии единой организации пролетарской литературы, сплотившей разрозненные литературные группировки и писателей-одиночек.

Декларация Лиги японской пролетарской литературы и искусства свидетельствует о ее тесной связи с воззванием Международного бюро пролетарской литературы: «...Несмотря на страшный гнет, проснувшийся пролетариат понемногу подымается и ведет упорную борьбу. В то же время в области культуры давно началось движение и борьба за превращение культуры в подлинно нашу культуру. Хотя эти борцы искренни и смелы, их все же очень мало. К тому же они борются небольшими группами или

даже в одиночку, они еще не превратились в сплоченную, организованную силу. А сила сплоченности особенно необходима в нашей борьбе. В этом-то и заключается причина образования Лиги японской пролетарской литературы и искусства. Мы надеемся, что наши единомышленники войдут в нее и поведут решительную борьбу со старой и прочно укоренившейся буржуазной культурой за установление пролетарской культуры — истинной культуры человечества»¹⁰.

Откликнувшись на обращение Международного бюро революционной литературы «прислать подробные сведения обо всех группах, кружках, союзах и т. д. пролетарских и революционных писателей, а также о пролетарских и революционных писателях-одиночках и их произведениях» с целью взаимной осведомленности, редакция журнала „Бунгэй сэнсэи“ послала в Москву сообщение о своей деятельности»¹¹.

Считая одним из важнейших принципов своей деятельности «установление [общего международного фронта культурной борьбы], Лига стремилась укрепить связь с рабочим и культурным движением как внутри страны, так и за рубежом. В мае 1926 г. Лига оказала поддержку всеобщей стачке английских рабочих. На вечере, организованном в поддержку газеты «Мусанся» («Пролетарий») — полулегального органа японской компартии, в ноябре 1926 г., члены театрального отдела Лиги поставили пьесу Эптона Синклера из его сборника «Plays of Protest» (1912): «The second Storey Man» («Мужчина со второго этажа»). По свидетельству газеты «Мусанся», эта пьеса, которая показала «анатомию современного общества, вскрытого острым ланцетом», прошла с огромным успехом. В эти годы зарубежная прогрессивная литература привлекает к себе все большее внимание японских пролетарских писателей: на японский язык переводятся произведения Ильи Эренбурга «Трубка коммунара», Эптона Синклера «Король Уголь» и «Джунгли», Марселя Мартине «Ночь» и много других.

С 6 по 8 декабря 1926 г. в токийском Малом театре Цукидзи шла пьеса А. В. Луначарского «Освобожденный Дон-Кихот» в постановке Сано Саки. Спектакль был поставлен театральной труппой «Дзэнйдза», состоявшей исключительно из членов Лиги, и получил широкий резонанс в японской прессе.

Курс, взятый Лигой японской пролетарской литературы и искусства на объединение широкого круга писателей и установление общего международного фронта культурной борьбы, натолкнулся вскоре на значительные трудности. С конца 1926 г. в пролетарском литературном движении Японии наблюдался левосектантский уклон, названный по имени его идеолога Фукумото — фукумотонизмом. Сторонники фукумотонизма сводили литературное движение исключительно к политическим задачам, полностью игнорируя специфику литературы. Они отрицали также необходимость массовых пролетарских организаций, считая, что пролетарские литературные организации должны представлять собою узкую «интеллигентскую группу марксистов».

Проводниками фукумотонизма в литературу были члены студенческого «Общества изучения марксистского искусства», проникшие в руководящие органы Лиги японской пролетарской литературы и искусства. В статье «Развитие литературного движения в нашей стране» (1926) Таниити указывал, что «на современном этапе классовой борьбы пролетариата литературное движение должно, с полной закономерностью, стать просветительским движением»¹².

Решение о перестройке Лиги японской пролетарской литературы и искусства было принято на ее втором съезде в ноябре 1926 г. Новая политическая платформа Лиги заключалась в отказе от идеи общего фронта, в превращении Лиги в «чисто марксистскую организацию». Основные задачи Лиги были сведены к «органической связи с политическими организациями пролетариата», «социалистической самозакалке» членов Лиги, «овладению боевой теорией». Вопросы специфики искусства были совершенно изъяты из программы.

В результате перестройки Лиги из нее вышли или были исключены как идеологически чуждые элементы известные писатели Миядзима Сукэо, Акиита Удзюку, Эгуги Кан, Наканиси Йосукэ и другие, которые, в свою очередь, организовали новую Лигу пролетарской литературы и искусства Японии (Нихон мусанха бунгэй рэммэй), а прежняя Лига была переименована в Лигу японского пролетарского искусства (Нихон пурорэтэриа гайдзюцу рэммэй, сокращенно — «Пурогэй»).

За небольшой срок существования «Пурогея» внутри его не прекращалась борьба между сторонниками и противниками фукумотоизма. Под влиянием сектантских настроений литературно-теоретические разногласия переносились и на политические принципы, что привело к новому расколу. Из «Пурогея» вышли Ямада Сэйдзабуро, Аоно Суэкичи, Хаяма Есики и другие, несогласные с его ультралевыми установками; они образовали в июне 1927 г. Лигу деятелей рабоче-крестьянского искусства (Роно гэйдзюцука рэммэй), а спустя четыре месяца после ее образования, в ноябре того же года, произошел новый раскол: большинство, порвавшее с Лигой по политическим мотивам, создало Союз деятелей передового искусства (Дзэннэй гэйдзюцука рэммэй, сокращенно — «Дзэнгэй») ¹³.

Под влиянием левосектантского уклона фукумотоизма с конца 1926 г., в течение почти полутора лет, не прекращался раскол в литературном движении. Идейная разногласица, организационная разобщенность и сектантская узость тормозили рост пролетарской литературы.

Вовлеченные в водоворот сектантской борьбы, японские писатели оказались оторванными от международного движения пролетарской литературы. Японская пролетарская литература не была представлена на Первой Международной конференции революционных писателей в Москве в 1927 г., а ее важнейшие решения не нашли в тот момент должного отклика в Японии. Даже Лига деятелей рабоче-крестьянского искусства, выдвинувшая в качестве конкретной задачи борьбы в области международной — «вхождение в зарубежные пролетарские художественные объединения», не проявила внимания к Первой Международной конференции революционных писателей. Лишь спустя некоторое время, когда японская пролетарская литература преодолела левосектантский уклон и стала на путь единства, материалы конференции стали изучаться и осмысливаться японскими писателями.

В марте 1928 г. была создана Федерация деятелей японской левой литературы и искусства (Нихон саёку бунгэйка сорэммэй), объединившая все существовавшие тогда литературные группировки левого направления, а также писателей-одиночек — на условиях сохранения ими организационной и идеологической самостоятельности.

Консолидации сил пролетарской литературы Японии в значительной степени способствовали июльские тезисы Коминтерна по японскому вопросу (1927), подвергшие резкой критике фукумотоизм и правый уклон — ямакавизм, а также резолюция ЦК РКП(б) от 18 июня 1925 г. «О политике партии в области художественной литературы», опубликованная в журнале «Бунгэй сэнсэн» в июле 1927 г., то есть в период острейшей борьбы литературных группировок.

Образование Федерации деятелей японской левой литературы и искусства заложило основу для совместной работы писателей «левых» направлений, готовых бороться против капитализма и его культуры. «...До сих пор,— говорилось в воззвании Федерации,— пролетарское художественное движение в нашей стране было раздроблено, что чрезвычайно ослабляло его силу сопротивления, и мы соединились с целью создавать антикапиталистическую литературу (<...> Сейчас, когда во всем мире капиталистическое наступление объединено и сознательно, по всему фронту, направлено на нас, пролетариат, мы, организовав свою федерацию, не только ведем борьбу у себя в стране, но и надеемся, расширяя ее в международном масштабе, установить связь с лагерем деятелей пролетарской литературы и искусства России и других стран» ¹⁴.

Японские писатели горячо откликнулись на призыв Международной конференции революционных писателей 1927 г.: «...Высшая обязанность пролетарских и революционных писателей в данный момент есть борьба единым фронтом писателей всех стран как словом, так и пером против империализма за китайскую революцию и Советский Союз». Лозунг конференции «Война войне!» был подхвачен японскими писателями в их борьбе против интервенционистской политики японского империализма в отношении китайского революционного движения и Советского Союза.

«Война войне» («Сэнсо ни тайсуру сэнсэ») — так называется антиимпериалистический сборник, состоящий из произведений писателей — членов всех организаций, входящих в Федерацию деятелей японской левой литературы и искусства. Предисловие к сборнику характеризует его содержание: «Угроза войны охватила весь мир.

«СЭНКИ» («БОЕВОЕ ЗНАМЯ») —
ОРГАН ВСЕЯПОНСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ ПРОЛЕТАРСКОГО
ИСКУССТВА, 1929, № 10
Обложка

Разглагольствуя о сокращении вооружения, капиталистические державы на деле лихорадочно готовятся к войне <...> Еще не успела высохнуть кровь, пролитая в Великой европейской войне *, а над миром снова нависла угроза новой жестокой бойни. Неизбежным спутником будущей войны явится бешеная эксплуатация и угнетение пролетарских масс внутри страны. Мы должны решительно бороться против всякой подготовки к войне <...>

Произведения, собранные в сборнике, написаны с разных точек зрения и на разнообразных материалах. Однако их объединяет страстный протест против империалистической войны, призыв бороться против нее. Мы будем счастливы, если сборник этот послужит стимулом к борьбе против приближающейся войны. Объявите войну войне! Боритесь за полное международное разоружение!»¹⁵

В сборник вошли рассказы двадцати писателей разных идейно-творческих направлений, посвященные, в основном, жизни японской армии (Татэно Нобуюки «Тот, кто стал мишенью для стрельбы», Эттю Яринти «Записки солдата во время землетрясения» и др.); о японской интервенции в Сибири и Китае (Куросима Дэндзи «Сани», Канэко Иобун «Глаза», Сатомура Киндзо «Вблизи Сибири», Кохори Дзиндзо «Партизан» и др.). Тема первой мировой войны не затронута в них, и причина этого понятна. В развитии японской литературы первая мировая война, в отличие от европейских литератур, не сыграла значительной роли. Война шла далеко за пределами Японии. Захватив почти без потерь германские владения на Дальнем Востоке, Япония сочла свое участие в войне законченным. Для японцев война, собственно, не была мировой.

Большое место в сборнике занимает тема японской интервенции в Сибири. И это понятно. В условиях, когда японские империалисты неустанно вынашивали планы новых военных авантур против СССР, писатели не могли не обращаться к печальным событиям недавнего прошлого.

* Имеется в виду первая мировая война. — К. Р.

Рассказ Куросима Дэндзи «Сани» написан на основе личного опыта писателя, находившегося во время японской интервенции в Сибири. Куросима был тогда простым солдатом. В своих произведениях он не только изобразил острую ненависть японских солдат к бессмысленной войне, но дал и социальную характеристику солдатской массы. Солдаты, в большинстве своем выходцы из крестьян, с негодованием осуждают своих офицеров, заставляющих их грабить в России таких же, как они, крестьян. Недовольство порой вырывается у них наружу, но они еще не способны к коллективным действиям и поэтому обречены на гибель в снежной Сибири.

Антимилитаристским духом проникнуты и произведения, воспроизводящие отдельные стороны казарменной жизни японской военщины. В рассказе Татэно Нобуюки «Тот, кто стал мишенью для стрельбы» как бы сконцентрирована вся жестокость японской армии, подавляющая в солдатах все человеческое.

Сохранились свидетельства, говорящие о глубоком воздействии сборника на читателей. Изданный в годы японской агрессии в Китае, сборник этот сыграл значительную роль в антиимпериалистической борьбе народных масс.

Сборник «Война войне» остался единственным памятником Федерации японской левой литературы и искусства за время ее кратковременного существования. В связи с событиями 15 марта 1928 (так называются массовые репрессии, когда было арестовано более тысячи коммунистов и сочувствующих) Федерация распалась.

Бешеное наступление реакции по всему фронту требовало срочного объединения пролетарского художественного движения. Через десять дней после событий 15 марта была образована Всеяпонская федерация пролетарского искусства (на эсперанто: *Nippona Artista Proleta Federatio*; сокращенно — НАПФ) на почве слияния двух пролетарских литературных организаций — «Пурогэй» и «Дзэнгэй». В апреле в нее влились Союз деятелей левого искусства и Союз деятелей боевого искусства. С мая 1928 г. стал выходить журнал «Сэнки» («Боевое знамя»), орган НАПФа. В дальнейшем в Федерацию влились и другие «левые» группировки, и НАПФ стал крупнейшим литературным объединением, сыгравшим значительную роль в идейно-творческой борьбе тех лет.

НАПФ продолжил курс на активную связь с международным движением революционной литературы. Под его непосредственным влиянием находился Институт мировой культуры, возглавлявшийся известным писателем Акита Удзюку после его возвращения из Советского Союза, куда он ездил на празднование десятой годовщины Октябрьской революции и где был участником Всемирного конгресса друзей СССР. Основной целью Института было изучение и распространение достижений мировой пролетарской литературы.

В 1928 г., в поддержку резолюции Первой Международной конференции революционных писателей по поводу суда над Иоганнесом Бехером, НАПФ выступил в защиту знаменитого немецкого писателя. Вести о суде над Бехером пришли в Японию в дни, когда в различных префектурных центрах при закрытых дверях начались суды над арестованными в марте 1928 г. революционерами и поднялась мощная волна протеста против судебной расправы над передовыми деятелями. В этих условиях японцы рассматривали судебный процесс над Бехером как одно из звеньев в борьбе международной реакции, направленной против прогрессивного движения. Характерно, что Сэнда Корэя в статье «Поэт и ложь» (1928), знакомя читателя с подробностями суда над Бехером, писал о полной аналогии между лживым методом буржуазной юстиции Германии и так называемым «законом о поддержании общественного спокойствия», которым в Японии подавляется всякая мысль¹⁶.

В этом же номере «Сэнки» была напечатана статья немецкого писателя Лю Мэртена «Поэт и судья», в которой высмеивался реакционный буржуазный суд над немецким революционным писателем. Статья эта была написана специально для японского журнала; таким образом «Сэнки» стал трибуной немецких писателей, призывавших международную общественность к борьбе против несправедливого суда над Бехером.

В дни судебного процесса в адрес Лейпцигского имперского суда поступил гневный протест, подписанный НАПФом:

«...Вы, господа в красных мантиях, — говорилось в заявлении, — пытаетесь приковать к железной решетке Иоганнеса Р. Бехера — поэта, который видел свою миссию в том, чтобы „разбудить мир от спячки“ во имя утверждения высокого права человека. Этим самым вы свидетельствуете о том, что буржуазная классовая юстиция — эта свора псов, выкормленных биштексами Гинденбурга, перешла в наступление против художников, вскрывающих лицемерие капиталистического мира, свидетельствуете о новом наступлении капитала на искусство.

Сегодня жертвой стал Иоганнес Р. Бехер, а завтра? <...>

Но суд медлит, ибо он знает, что за товарищем Иоганнесом Бехером стоит как обвинитель немецкий и мировой пролетариат.

Через китайский материк, мужественно борющийся против белого террора и империалистической агрессии, мы, пролетарские художники Японии, объединенные вокруг НАПФа, протягиваем руку солидарности японского пролетариата товарищу Иоганнесу Р. Бехеру. Мы заявляем, что в борьбе против <империалистической> * войны, мы, как и автор книги «Единственная справедливая война», будем хранить непоколебимую классовую волю пролетариата.

Мы требуем от Лейпцигского федерального суда немедленного освобождения товарища Иоганнеса Р. Бехера, поэты, которому угрожают тюремной решеткой только за то, что он явился подлинным судьей над несправедливостью и ложью...»¹⁷

Растущие международные связи и активизация творческой деятельности членов НАПФа требовали его организационной перестройки; для этого было создано пять самостоятельных творческих союзов, объединявших отдельно деятелей литературы, театра, кино, музыки и изобразительного искусства во всеяпонском масштабе.

В феврале 1929 г. образовался Союз японских пролетарских писателей. Программа союза была четко сформулирована и состояла из двух пунктов:

«Мы стремимся к установлению классовой литературы, служащей делу освобождения пролетариата.

Мы боремся со всяким политическим гнетом, направленным на подавление нашего движения».

Одним из важнейших условий достижения этой целевой установки японские литераторы считали слияние Союза с Международной организацией революционных писателей.

Тяга к единству международного движения революционной литературы особенно возрастала в связи с установлением в Японии открытой террористической диктатуры буржуазии и нарастанием революционного подъема народных масс. Необходимость единого фронта в национальном и международном масштабе заключалась не только в решении важнейших творческих задач революционной литературы; единство действий имело решающее значение в борьбе против реакции, угрозы войны и фашизма.

* * *

Вторая Международная конференция революционных писателей, состоявшаяся в Харькове в 1930 г., стала особенно важной вехой в развитии японской пролетарской литературы. Японские писатели увидели в ее решениях как бы концентрированное выражение своих интернационалистических устремлений.

О предстоящем открытии Харьковской конференции японские писатели узнали через «Die Linkskurve» — орган Союза немецких пролетарско-революционных писателей — и «New Masses» — прогрессивный американский журнал, с которыми они поддерживали связь. (Как известно, приглашение на конференцию не рассылалось по почте, а было опубликовано в печати в форме обращения к революционным писательским

* В японском тексте вычеркнутые цензурой слова заменяются крестиками, число которых соответствует количеству запрещенных иероглифов. Здесь (и в ряде документов, публикуемых ниже) в угловых скобках восстанавливаются цензурные пропуски. — К. Р.

организациям всего мира.) На Харьковской конференции японская пролетарская литература была представлена двумя делегатами от НАПФа. Это были Мацуяма Бин (настоящее его имя — Кацумото Сэйитиро) и Нагата (Фудзимори Сэйкити)¹⁸.

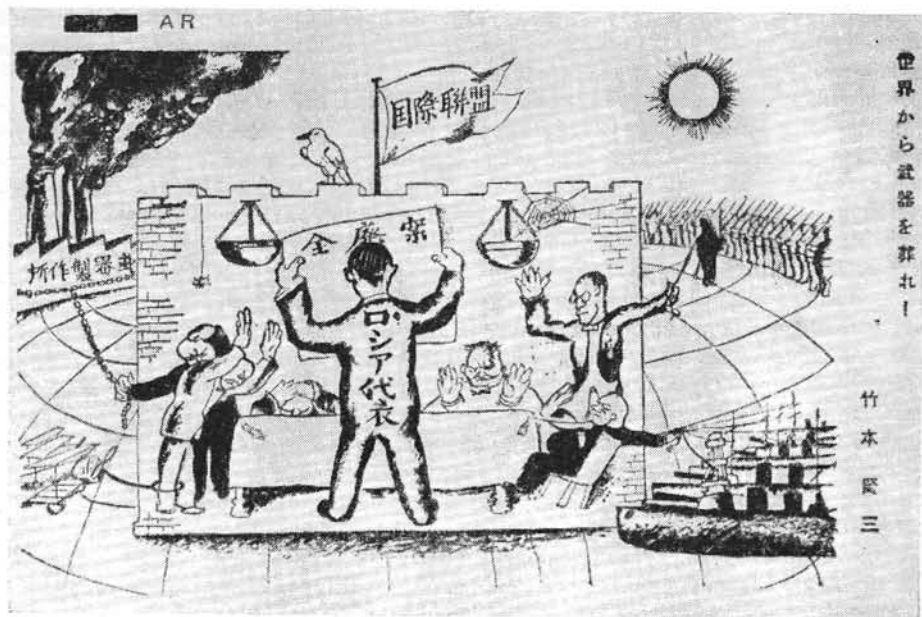
С докладом о японской пролетарской литературе выступил на конференции Мацуяма Бин. Большой доклад с подзаголовком «Ее история, современное состояние и перспективы» представлял собой развернутый обзор развития японской пролетарской литературы с момента ее зарождения. Докладчик подробно остановился на деятельности НАПФа, на его творческих установках; он рассказал о широком рабочем и сельском движении, о растущем влиянии пролетарской литературы в Японии¹⁹.

Успехи, достигнутые японской пролетарской литературой, получили международное признание на мировом пленуме: «За три года, отделяющие Харьковскую конференцию от первой конференции в Москве, в ней произошли значительные сдвиги, — говорится в «Итогах Второй Международной конференции пролетарских и революционных писателей». — Уже сейчас пролетарская литература в ряде капиталистических стран (особенно в Германии и Японии) в состоянии противостоять буржуазной литературе»²⁰. (По какой-то непонятной причине в японском переводе статьи «Итоги Второй Международной конференции...», опубликованном в журнале «НАПФ» (1931, № 2), слово «Япония» в данном контексте оказалось опущенным — осталась только «Германия».) В оценке японской пролетарской литературы, данной на Харьковской конференции, конечно, нет преувеличения. Наряду с немецкой пролетарской литературой она стояла на передовой линии мировой революционной литературы.

К началу 1930 г. пролетарская литература становится главным художественным течением в Японии. На литературной арене выступает ряд выдающихся пролетарских писателей; романы Хаяма Есики «Люди моря» (1926) и Токунага Сунао «Улица без солнца» (1929), а также повести Кобаяси Такидзи «Пятнадцатое марта 1928 года» (1928), «Краболов» (1929) и другие прочно вошли в историю современной японской литературы. В эти годы переход лучших представителей буржуазной литературы в лагерь революционного искусства становится все более и более интенсивным. Пересмотрев свои творческие позиции, писатели-модернисты Катаока Тэншэй, Такэда Ринтаро и другие сближаются с пролетарской литературой; Миямото Юрико, одна из лучших представительниц японского критического реализма, после упорных творческих поисков, также стала в ряды революционной литературы. Таким образом, пролетарская литература Японии не только была в состоянии противостоять буржуазной литературе — она определила облик всей японской литературы 1920—1930-х годов. В этой связи интересно вспомнить ответ известного буржуазного писателя Кикути Хироси на анкету, проведенную влиятельным японским журналом «Кайдзо» («Реконструкция») в 1923 г. Отвечая на вопрос: «Ваше отношение к классовому искусству», он усомнился в самой реальности классовой литературы. Утверждая, что пролетарская литература возможна только после победы революции, он иронизировал: «...если деятели пролетарской литературы действительно рыцари без страха и упрека, пекущиеся о пролетариате, то, вместо того, чтобы тратить время на такие пустяки, как писание рассказов и статей, они должны, прежде всего, выйти на улицу с бомбами в руках»²¹.

Но пролетарская литература в Японии не только зародилась, она заставила обратить на себя внимание всей читательской массы, заговорить о себе всю буржуазную прессу. Учитывая запросы широких читательских кругов, крупнейшие общественно-литературные журналы Японии «Кайдзо» и «Тюокорон» («Общественное мнение») охотно предоставляют свои страницы пролетарским писателям.

Возрастающее влияние пролетарской литературы на всю духовную жизнь страны не могло не вызвать ярость у реакционных писателей. В 1930 г. образовался так называемый «Клуб школы нового искусства», объединивший на антимарксистской платформе буржуазных писателей для противодействия пролетарской литературе. «В этот период, — пишет Екомицу Рияти, глава японских модернистов, — исторический ма-

В ЛИГЕ НАЦИЙ

Карикатура неизвестного художника. Сатирический отклик на то, как в Лиге Наций было встречено советское предложение о всеобщем разоружении. В центре советский представитель
«Сэнки», 1928, № 5

териализм успел вторгнуться в область духовной жизни (...) Его нашествие усиливалось с каждым днем, с каждым часом. Нам, представителям „чистого искусства“, было суждено повернуть оружие в сторону этого непредвиденного врага»²².

Успехи японской пролетарской литературы позволили Второй Международной конференции революционных писателей заявить, что в настоящее время пролетарская литература является важным фактором культурного прогресса не только в странах Запада, но и Востока. И если до Харьковской конференции Международное бюро революционной литературы было в большей мере европейской организацией, то теперь, благодаря активному участию стран Востока, особенно Японии, во всемирном литературном процессе, новое Международное объединение революционных писателей стало на деле мировым литературным интернационалом.

Наряду с верной оценкой японского пролетарского литературного движения в докладе Мацуяма обнаруживаются и ошибки, связанные с теоретическими установками НАПФа. Содержащаяся в докладе концепция истории японской пролетарской литературы отражает слабые стороны установок НАПФа 1930 г., провозгласивших курс на «большевизацию» всего пролетарского литературного движения и создание «коммунистической литературы». В качестве основы пролетарской литературы был выдвинут лозунг «пролетарского реализма», замененного затем «диалектико-материалистическим творческим методом». Борьба за высокую идейность, правдивое отражение революционной борьбы народа в пролетарской критике тех лет часто подменялась бесконечными спорами о «точке зрения авангарда». Игнорируя специфику литературного творчества, критика оценивала лишь идеологическую точку зрения, отраженную в произведении, подчиняя художника целиком «политической необходимости». В этой эстетической платформе НАПФа не трудно видеть связь с ошибочными установками РАППа: «Все постановления и указания РАППа переводятся на японский язык и немедленно преломляются в практике японской пролетарской литературы», — писал Мацуяма в статье «Пролетарская литература Японии» (1931). — Достаточ-

но хотя бы указать на работу второй конференции Союза пролетарских писателей Японии, прошедшей под лозунгом большевизации пролетарской литературы Японии»²³.

Под влиянием вульгарного социологизма Мацуяма строит свою концепцию истории пролетарской литературы Японии, исходя из догматической схемы, согласно которой пролетарское литературное движение, проходя этап борьбы с «разноэлементностью», становится на путь «коммунистической кристаллизации». И с этой точки зрения Мацуяма делит всю историю японской пролетарской литературы на два периода, водоразделом которых служит дата образования НАПФа, взявшего курс на ее большевизацию. При этом вся «предыстория» пролетарской литературы подвергается чисто «идеологическому» рассмотрению и сводится к «натуралистическому», или «мелкобуржуазному» описанию жизни бедняков. Например, значение художественного наследия так называемых «рабочих писателей», сыгравших большую роль в становлении пролетарской литературы Японии, незаслуженно принижается: «Рабочая литература, используя только быт рабочих как литературный материал, являлась не более чем натуралистическим описанием жизни „бедняков“, — говорится в докладе Мацуяма. — Ее гуманистически сочувствующим или анархическим произведениям, проникнутым „чувством“ протеста, было далеко до марксистской, классовой установки, отражающей точку зрения пролетариата»²⁴.

В условиях японской действительности конца 1910-х — начала 1920-х годов рабочие писатели, действительно, не могли стоять на позициях марксизма; однако, выйдя из недр народной жизни, они говорили в своих произведениях о сокровенных чаяниях народа, показывали первые ростки самосознания рабочих. Повесть Миядзима Сукэо «Рудокоп» (1916) осталась одним из лучших произведений японской демократической литературы по силе художественной правды и мастерства. Но, подходя с меркой, именуемой «диалектико-материалистическим творческим методом», докладчик видел в ней лишь «натуралистический роман о бедняках».

Критик Одагири Хидэо в статье «Историческое обозрение рабочей литературы для ее возрождения» (1962) справедливо подверг критике оценку «рабочей литературы», данную в докладе Мацуяма на Харьковской конференции: «Несмотря на слабость и незрелость „рабочей литературы“, в ее достижениях было и то, что пролетарское литературное движение должно было воспринять и критически развить. Но пролетарская критика выбросила ее за борт как пережиток старого и вместо нее требовала лишь произведения, стоящие на марксистской и пролетарской точке зрения. Поэтому рабочие писатели и их творчество остались в стороне»²⁵.

Установка на «большевизацию» пролетарского литературного движения отрицательно сказалась не только в подходе к литературным явлениям, но и тормозила сплочение всех сил вокруг революционной задачи борьбы с капитализмом. Значение единого фронта — важнейшей организационной формы антиимпериалистических сил — игнорировалось. В результате идейного размежевания, подчеркивал Мацуяма в своем докладе, пролетарское литературное движение, опиравшееся ранее на платформу общего фронта, теперь «всецело взяло курс на литературную организацию, стоящую на марксистских позициях»²⁶. В докладе даже не упомянута Федерация деятелей японской левой литературы и искусства — организация единого фронта, сплотившая вокруг себя всех прогрессивных писателей на широкой основе.

Лозунг «большевизации» вызвал к жизни другой лозунг: «Союзник — или враг». «Теперь уже абстрактно-пролетарское недействительно. Путь один. Или социал-демократический, или коммунистический. Среднего пути не существует» («Установки НАПФа 1930 г.»)²⁷. В обстановке участвовавших идейных колебаний в среде мелкобуржуазных писателей и их обращения к прогрессивной литературе директива эта осложняла и задерживала творческое единение.

В те годы внутри пролетарского литературного движения Японии еще не был полностью преодолен раскол; продолжалась острая борьба между двумя группировками — НАПФом, с одной стороны, и Лигой деятелей рабоче-крестьянского искусства (или группой «Бунсэн» — по названию органа Федерации), — с другой. Причина раскола была вызвана политическими разногласиями: НАПФ был связан с Коммуни-

стической партией, а «Бунсэн» — с центристской Японской рабоче-крестьянской партией. Политическая борьба, происходившая в те годы в рабочем движении Японии, механически, прямолинейно переносилась на литературное творчество.

Для НАПФа вся группа «Бунсэн» была только «литературной агентурой японского социал-фашизма», хотя группа «Бунсэн» не была однородной в своей политической ориентации. Не все в ней были солидарны с центристской платформой рабоче-крестьянской партии, которую поддерживало руководство «Бунсэна», но НАПФ подвергал уничтожающей критике всех без исключения членов группы. В результате такие видные пролетарские писатели тех лет, как Хаяма Ёсики, Куросима Дэндзи, Маэдако Коитиро, Хирабаяси Тайко и другие, пользовавшиеся большой популярностью среди массового читателя, были зачислены в лагерь социал-фашистов. Разбирая творчество Куросима Дэндзи, историк японской пролетарской литературы Ямада Сэйдзабуро пишет: «Куросима Дэндзи остался в „Рогэй“ * не столько из-за политических убеждений, сколько по своей литературной позиции»²⁸.

Установка НАПФа на «большевизацию» пролетарской литературы сузила ее содержание, изолировала литературное движение, трактовавшееся только как движение за коммунистическую литературу, тогда как задача НАПФа состояла в собирании и объединении всех сил вокруг революционной литературы.

В беседе, организованной редакцией журнала «Бунгаку» в 1964 г., о которой мы говорили выше, Кацумото Сэйитиро, вспоминая времена Харьковской конференции, говорил, что враждебная позиция НАПФа по отношению к группе «Бунсэн»** вызвала тревогу в кругах МОРПа: «...по поводу включения этого пункта руководство МОРПа выразило озабоченность: „Правильно ли мы выступаем?“ — спрашивали они»²⁹.

Для такого беспокойства были серьезные основания. Творческие успехи группы «Бунсэн» высоко оценивались советской литературной общественностью. Произведения Хаяма Ёсики, Канэко Иобуна, Маэдако Коитиро и других неоднократно переводились на русский язык. В статье «Новая литература в Японии», напечатанной в органе МОРПа «Вестник иностранной литературы», Н. И. Фельдман писала: «Вокруг „La Fronto“ *** группируется целый ряд писателей, из которых одни начинают свою деятельность, как Хаяма, другие только в эту пору становятся зрелыми мастерами, как Маэдако или Канэко, третьи — вплотную приближаются к пролетарской литературе — например, Фудзимори и Наканиси. Эти писатели, представляющие собой ядро пролетарской литературы 1924—1927 гг. <...>, идеологически тесно связаны с „La Fronto“, что дает право литературе того четырехлетия рассматривать, в известной мере, как литературу этого журнала». Касаясь раскола в пролетарском литературном движении Японии в конце 1926 г. и нападков журнала «Пурорэтариа гайдзюцу» («Пролетарское искусство») на «Бунсэн», автор статьи продолжает: «Что касается облика самого журнала „Пурорэтариа гайдзюцу“, то мы находим здесь ту же ориентацию на пролетарское движение, подчеркивание необходимости практической борьбы»³⁰.

Есть еще одно свидетельство самого Кацумото, говорящее о беспокойстве советских востоковедов, вызванном борьбой НАПФа против группы «Бунсэн»: «Литературная одаренность писателей „Бунсэна“, особенно Хаяма Ёсики <...> высоко оценивалась в России. Но со стороны Союза пролетарских писателей Японии принимались противоречивые решения по вопросу о „Бунсэне“, и это вызывало тревогу. Особенно был озабочен профессор Н. И. Конрад. „Мне кажется, — говорил он, — среди литературной продукции „Бунсэна“ есть хорошие произведения. Но они все без исключения подвергаются уничтожающей критике. Как теперь нам быть?“» — вспоминал Кацумото спустя тридцать с лишним лет после Харьковской конференции в статье «Пролетарская литература и я» (1962)³¹. По настоянию японских делегатов, как констатирует Кацумото, в резолюцию по японской пролетарской литературе был включен пункт, осуждающий «Бунсэн» как социал-демократическую группу. Эта

* То есть в группе «Бунсэн». — К. Р.

** То есть о группе «Бунсэн» в резолюции по Японии. — К. Р.

*** Журнал «Бунсэн». — К. Р.

резолуция вызвала протест со стороны редакции журнала «Бунсэн», которая обратилась с открытым письмом к секретариату МОРПа. В письме говорилось, что «Бунсэн» поддерживает Вторую Международную конференцию революционных писателей и «признает ее большое революционное значение для пролетарского литературного движения всего мира». Далее, обвинив доклад Мацуяма в односторонности, «Бунсэн» изложил свою концепцию истории японской пролетарской литературы, которая также не была свободна от тенденции групповщины. Охарактеризовав НАПФ как организацию ультралевого, «враждебную интересам японского пролетариата» и стремящуюся «расколоть политический и экономический фронт японских рабочих и крестьян», «Бунсэн» объявил себя «основоположником японского пролетарского литературного движения»³².

Стремление к «единодержавию», конечно, не способствовало сплочению, а оценка, данная НАПФу редакцией «Бунсэна», не соответствовала действительности. Секретариат МОРПа в своем ответном письме осудил это умаление политического и культурного значения НАПФа. В то же время МОРП не отказывался от совместной работы с «Бунсэном», но обязательным условием для сотрудничества считал присоединение его к НАПФу. «В Японии дорога к нам ведет через НАПФ», — подчеркивалось в письме³³. Ориентация МОРПа на НАПФ понятна: последний был самой мощной, централизованной пролетарской литературной организацией в Японии. Однако МОРП целиком одобрил и ошибочные установки НАПФа и, несмотря на некоторые колебания, как говорил Кацумото, не считал необходимым более гибко и дифференцированно подойти к группе «Бунсэн». Вместе с ответным письмом МОРПа в журнале «Литература мировой революции» (1931 г., № 7) была помещена статья Конеа Зенда (правильно — Сэнда Корэя), посвященная характеристике «Бунсэна» и озаглавленная «Литературная агитация японского социал-фашизма». Одобрение МОРПом ошибочной установки НАПФа не способствовало сближению обеих спорящих пролетарских организаций.

Большое значение для деятельности пролетарских литературных организаций имело выступление МОРПа, подвергнувшего критике свои прежние сектантские ошибки, чтобы решительно перестроить свою работу на самой широкой демократической основе и привлечь к сотрудничеству все левые силы литературы.

Перестройка МОРПа в 1932 г. помогла уяснить японским литераторам собственные ошибки и глубже вникнуть в задачи международного литературного фронта.

В статье «Вопросы правого уклона» (1932) Кобаяси Такидзи, видный деятель НАПФа, писал: «...Прежде всего нужно подумать об организации союза *. Хотя наша организация называется Союзом пролетарских писателей, она безусловно не является организацией чисто коммунистических писателей, а напротив, широкой организацией, охватывающей всех революционно настроенных писателей, потому что наш союз — не большевистская организация Коммунистической партии, подобно тому как МОРП, объединяя широкий круг революционно настроенных писателей, называется Международным объединением революционных писателей, а не Международным объединением пролетарских писателей»³⁴.

«Тезисы японского пролетарского литературного движения», составленные Кацумото Сэйитиро вместе с Сано Сэки (1932), также свидетельствовали о сдвигах в понимании целей единого культурного фронта в руководстве НАПФа. Авторы тезисов выступают за «безусловное единение» с содружеством «Бунсэн», обосновывая это необходимостью совместной борьбы перед лицом японской интервенции в Маньчжурии. Борьба с угрозой войны повелительно требовала скорейшего единения всех сил на более широкой основе. Но к этому времени группа «Бунсэн» фактически прекратила свое существование. Часть ее писателей перешла на сторону НАПФа.

В одном из последних номеров журнала «Бунсэн» за 1931 г. было напечатано следующее письмо Анри Барбюса от 24 июля 1931 г.:

«Дорогие товарищи,

Я получил ваш журнал „Бунсэн“. Меня очень обрадовало, что в Японии уже несколько лет существует политико-экономический и литературно-критический журнал.

* пролетарских писателей Японии. — Р. К.

«ЧИТАЙТЕ И ЗАЩИЩАЙТЕ
ГАЗЕТУ „СЭНКИ“ — ОРГАН
РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН!»

Плакат. Издание Общества защиты
пролетарской газеты «Сэнки», 1929

Музей Революции СССР, Москва

пеликом посвященный проблеме пролетариата и классовой борьбы. Я хочу просить вас, чтобы ваш журнал уделял внимание и нашему движению и его достижениям.

Примите уверения моей дружбы к вам.

Апри Барбюс³⁵.

В мае 1931 г. открылся третий съезд Союза японских пролетарских писателей. Его участники с большим воодушевлением встретили приветственные послания от МОРПа и американского Клуба Джона Рида. Съезд превратился в демонстрацию сплоченности международного отряда революционных писателей. В истории японской литературы еще не было случая, чтобы съезд писателей приветствовали столь представительные международные литературные организации. Приводим текст посланий:

«Дорогие товарищи! Международное объединение <революционных>* писателей шлет вашему съезду горячий привет и наилучшие пожелания.

* См. подстрочное примечание на стр. 515. — К. Р.

Мы по праву называем вашу организацию одной из самых лучших. Вы смогли завоевать себе такую оценку благодаря своей мощной организации и полезной деятельности на литературном фронте, но главное — благодаря политической смелости и правильности основного политического курса.

Вторая Международная конференция <революционных> писателей приняла решение ускорить перевод ваших произведений на все европейские языки и распространить их во всем мире. Эта работа уже началась. Скоро рабочие СССР, Германии и Америки прочтут ваши книги и, несомненно, оценят их по достоинству.

Мы желаем, чтобы и вы со своей стороны также сделали все возможное, чтобы книги, отображающие победное шествие пролетариата СССР к социализму, стали достоянием широких масс трудящихся вашей страны.

Мы надеемся, что ваша борьба будет сосредоточена не только на литературном фронте Японии, но что вы также выполните свою историческую задачу, оказав помощь <революционным> писателям угнетенных народов Восточной Азии.

Нет необходимости говорить о ваших политических задачах, так как вы сами хорошо знаете, что делать в борьбе против фашизма и социал-демократии, против опасностей <империалистической> войны, в защиту СССР.

Организации <революционных> писателей России, Украины, Кавказа, Белоруссии, Китая, Венгрии, Чехословакии, Польши, Эстонии, Италии, Румынии шлют вам наилучшие пожелания. Мы с большой надеждой смотрим на вас и многого ожидаем от вас...

От имени секретариата МОРПа Бела И л л е ш —
генеральный секретарь

5 марта 1931 г.»³⁶

«Дорогие японские товарищи!

В связи с вашим третьим съездом в Токио, Клуб Джона Рида — организация революционных писателей и художников США — шлет привет пролетарским писателям Японии.

Насилие над рабочими, колониальный гнет, воинствующий империализм, загнивание, обман, лицемерие — таков облик нашего общего врага — капитализма, против которого объединились Восток и Запад. Рабочий класс восстал против этого позорного общества. Писатели и художники всего мира — рабочие, владеющие идеологическим оружием, — должны также заявить о своем восстании против капитала, на стороне пролетариата, ибо только с рабочим классом связана надежда человечества, будущее литературы и искусства <...>

Клуб Джона Рида превратился из местного объединения в общенациональную организацию; скоро мы станем во главе массового движения <революционных> писателей и художников <...>

Мы знаем о мужественной борьбе японских товарищей. Мы знаем, что буржуазия, испытывающая страх перед своей неминуемой гибелью, обрушивает варварские репрессии на писателей. Но мы уверены, что победа будет за вами...

По поручению Клуба Джона Рида

А. П о т а м к и н — секретарь по международным связям»³⁷.

Английский писатель Г. Хезлоп обратился к съезду со следующим посланием:

«Дорогие товарищи!

Я шлю вам привет не только как пролетарский писатель Англии, но и как боец мирового пролетариата, поднимающегося на борьбу против всех форм угнетения — капитализма и империализма. Я шлю вам привет в марте 1931 г., когда весь мир охватил экономический кризис, когда реакция сеет раскол в наших рядах <...>

Товарищи, классическая капиталистическая страна Англия бессильна перед фактом разложения всей экономической структуры. Но мирно она не умрет, у нее ядовитые клыки. Она пытается найти выход из тупика, принося в жертву миллионы рабочих и крестьян. Нынешние английские газеты и журналы неустанно трубят о войне

против СССР <...> Пресса ежедневно обрушивает свой гнев на пятилетний план СССР. Отрицая результаты героического труда русских братьев, газеты открыто призывают к войне с ними.

Но этому не бывать. Между разлагающейся буржуазией Англии и других стран и светлой равниной России стоит рабочий класс всего мира. На передовой линии стоят и пролетарские писатели.

На Харьковской конференции мы определили свои задачи. Перед глазами всего мира мы смело сдвинули свой фронт. Мы записали в своем решении, что борьба с буржуазией и защита СССР являются нашей задачей первостепенной важности, и заявили, что эту задачу выполним.

В далекой Японии вы уже приступили к ее выполнению <...> Писатели вашего союза делают великое дело. Позвольте мне поздравить вас с успехом <...>

Да здравствуют японские пролетарские писатели!

Да здравствует освобождение рабочих и крестьян всех стран от ига буржуазии!

Ваш товарищ Гарольд Хеллоп

Лондон, 16 марта 1931 г.»³⁸

Третий съезд Союза японских пролетарских писателей прошел под знаком борьбы за претворение в жизнь решений Харьковской конференции, которые имели большое значение для дальнейшего развития японской пролетарской литературы. Отправляясь от конкретных условий своей борьбы, при выработке программы своей деятельности японские писатели опирались на решения Харьковской конференции. «Основной предпосылкой определения главной линии деятельности Союза японских пролетарских писателей является создание международной организации пролетарского литературного движения, — говорится в «Уставных положениях Союза японских пролетарских писателей 1931 г.» — Решения Харьковской конференции и резолюция комиссии по японской литературе определяют главное направление деятельности союза»³⁹.

В «Резолюции по вопросу о пролетарской и революционной литературе Японии» Харьковская конференция, отметив большие достижения японской пролетарской литературы, также указала на необходимость дальнейшего укрепления связи литературы с революционной борьбой пролетариата, консолидации его сил для отпора фашизму и широкого развертывания движения рабочих и крестьянских корреспондентов. Все это отвечало интересам пролетарской литературы Японии 1930-х годов.

В условиях, когда японский империализм вступил на путь агрессивной войны против Китая, подготавливая плацдарм для нападения на Советский Союз, перед пролетарским литературным движением встал задача сплотить все силы против угрозы милитаризма, создать широкий антиимпериалистический фронт борьбы. Для этого надо было перенести поле деятельности непосредственно на рабочие предприятия — заводы и фабрики, а также в деревню. Кроме того, нужно было вырастить новые литературные кадры из рабочих и сельских. Таким образом пролетарское литературное движение Японии, которое первоначально было больше связано с интеллигентскими, чем с рабочими кругами, расширяет свои рамки, сближаясь непосредственно с творчеством рабочих и крестьян.

На этом новом этапе развития пролетарской литературы, в ноябре 1931 г. НАПФ был реорганизован во Всеяпонскую федерацию пролетарской культуры (Нихон пурорэтэриа бунка рэммэй — КОПФ). Появился новый журнал «Пурорэтэриа бунка» («Пролетарская культура») — орган КОПФ. Почетными членами КОПФ были избраны Максим Горький, Анри Барбюс, Майкл Голд, Лу Синь и Катаяма Сэн.

Большой интерес представляет отношение японских пролетарских писателей к рекомендациям Харьковской конференции по проблемам «крестьянской литературы». В резолюции по японской литературе говорится: «В Японии, где крестьянство составляет значительную массу населения и где особенно остро стоит аграрный вопрос, необходимо обратить серьезное внимание на обеспечение пролетарским руководством крестьянской литературы. Необходимо организовать кружки крестьянской литературы, обеспечив их надлежащим руководством»⁴⁰. Японская пролетарская литература

имела значительные успехи в изображении жизни деревни, свидетельством чего были, например, повести Кабаяси Такидзи — «Снегозащитная роща» (1928), «Отсутствующий помещик» (1929). Однако к началу 1930-х годов обнаруживается явная тенденция к пренебрежению крестьянской темой. Выдвинув лозунг «За пролетарский реализм», руководство НАПФа требовало от писателей отображения авангарда революции. Круг тем пролетарской литературы оказался классово замкнутым.

Харьковская конференция указала на ошибочность подобной недооценки «крестьянской литературы»; она обратила внимание японских писателей на эту важную сторону пролетарского литературного творчества. Примечательно, что в «Уставовках Союза японских пролетарских писателей 1931 г.» есть специальный раздел «О работе кружка по изучению крестьянской литературы», в котором говорится: «Пролетарская литература нашей страны с каждым годом умножает свои достижения. Однако до сих пор произведения, изображающие крестьян с позиций пролетариата, значительно уступают качественно и количественно произведениям, посвященным другой сфере, — например, заводским рабочим. Это, конечно, является большим недостатком в нашей работе, ибо в нашей стране сорок пять процентов всего населения составляют крестьяне (...) Харьковская конференция предложила нам создать кружок крестьянской литературы. Безусловно это предложение совершенно правильно и сделано своевременно. Приняв его во внимание, наш союз решил образовать кружок по изучению крестьянской литературы.

Крестьянская литература должна пустить корни в среду крестьян-бедняков, быстро революционизирующихся в наши дни, развиваясь в тесной связи с селькоровским движением. В этом заключается смысл нашей работы. Всемерно способствуя революционному росту крестьянства, мы должны усилить крестьянскую литературу в количественном и в качественном отношении. Только таким путем возможно пролетарское развитие крестьянской литературы»⁴¹.

Рекомендация Харьковской конференции о «крестьянской литературе» вызвала значительный отклик и в японской критике. Появилось множество статей, затрагивающих эту важную проблему. Назовем некоторые из них, напечатанные в журнале «НАПФ» в 1931 г.: Икэда Хисао «Крестьянство и пролетарская литература» и «Новый перелом в крестьянской литературе»; Сибата Кадзуо «За правильное понимание крестьянской литературы»; Комадзубара Еситака «Литературная работа в деревне».

Исходя из ленинской статьи «Рабочая партия и крестьянство», в которой говорилось, что «от гнета капитала мелкое крестьянство может избавиться, только примыкая к рабочему движению, помогая ему в его борьбе за социалистический строй»⁴², критик Икэда Хисао утверждал, что идея союза двух трудовых классов является краеугольным камнем «пролетарской крестьянской литературы». Однако лозунг «за коммунистическую крестьянскую литературу» опять-таки сузил круг тем и часто приводил к прямолинейному, упрощенному изображению действительности.

В Японии, где с самого детства людям внушают веру в социальную гармонию под эгидой «сына неба» — императора, главы всех семей японцев, — процесс революционизирования был очень длительным. Изображение этого медленного пробуждения самосознания у людей забитых, опутанных предрассудками, являлось одной из актуальнейших задач пролетарской литературы. Повальное увлечение лозунгами приводило к тому, что критика того времени не одобряла стремления писателей психологически проникнуть во внутреннюю жизнь героя, считая, что это не должно являться методом пролетарской литературы. Так, например, Икэда Хисао в статье «Крестьянство и пролетарская литература» подверг критике «беспросветные», «психологические» произведения о жизни японских крестьян, принадлежащие перу Канэко Иобуна и Хирабаяси Тайко. Позднее японская критика преодолела эти заблуждения.

Одной из важнейших задач революционной литературы, выдвинутых Харьковской конференцией, была борьба против угрозы новой войны. В специальной резолюции по вопросу о борьбе с военной опасностью подчеркивалось, что революционные писатели «должны вложить в ум и сердце каждого трудящегося страстную волю к борьбе против империалистической войны, против капиталистического строя. Революционно-пролетарская литература должна беспощадно бороться против шовинисти-

КОВАЯСИ ТАКИДЗИ

Фотография, 1920-е годы

«Нихон Бунгаку арубам» («Японский литературный альбом»), т. 10, Токио, 1955

ческого угара и разжигания захватнических appetитов, которыми занимаются буржуазные писатели»⁴³.

В 1931 г. японские империалисты возобновили военные действия в Китае и приступили к оккупации Маньчжурии, создав серьезную угрозу миру. Сегодня — на Маньчжурию и революционный Китай, завтра — на Советский Союз — таков был маршрут японских империалистов.

1930-е годы — время суровых испытаний для японских писателей. В литературе тогда господствовала апологетическая тенденция прославления «священной войны». Развязывая грабительские войны на азиатском материке, японские империалисты прививали населению национал-шовинистическую идеологию. Воинствующий «японизм» стал знаменем реакции. Всякий посягавший на монархический строй и на национал-шовинистические идеи, подлежал жесточайшему наказанию.

Настроения японской интеллигенции той поры наглядно отразились в ответах на вопрос анкеты, проведенной редакцией журнала «НАПФ» в конце 1930 г. Используя опыт Международного бюро революционной литературы, «НАПФ» обратился к деятелям японской культуры с вопросом: «Какова будет ваша позиция в случае, если начнется война между мировым капитализмом и Советским Союзом?».

Как отмечалось в заметке от редакции, на разосланные анкеты прислали ответ лишь немногие. В условиях жестокого полицейского террора говорить открыто было опасно. Антивоенная позиция и симпатии к СССР выражались в завуалированной форме. Зато буржуазные деятели культуры открыто высказывали свое воишющее равнодушие перед надвигающейся военной угрозой. Ответы на анкету были опубликованы в журнале «НАПФ», 1930, № 11-12 и 1931, № 1. Приводим высказывания нескольких буржуазных писателей на вопрос «Если начнется война между капиталистическими странами и СССР?..» (из № 1 за 1931 г.):

Фудзи Кодзиро (поэт). «Нам, эмпирикам, отрицающим марксизм, подобный вопрос представляется слишком отвлеченным, и я не могу на него ответить».

Цутида Кёсон (философ). «...Я не могу делать каких-либо теоретических выводов, исходя из таких отвлеченных предположений. Я объявляю войну людям, которые тратят время на подобные бессмысленные словесные игры. Таково мое заявление о своей решительной позиции».

Цудзю Дзюн (философ). «На подобную проверку взглядов я отвечаю контр-вопросом: „На чьей стороне вы будете в случае, если капиталистические страны космоса (например, Марс) нападут на нашу планету?“»

Минабэ Сютаро (писатель). «Извините, но я против всякой войны. Даже если начнется такая война, все же надеюсь, что где-нибудь останется мирный уголок. Я убегу туда, в горную глушь».

Кодэра Юкити (театральный критик). «Мне трудно сразу ответить на вопрос, так как раньше я не думал об этом. Но я пацифист, поэтому активно выступаю против войны. Однако, что я буду делать в случае объявления войны — не знаю. Это видно будет тогда. Быть может, я буду на стороне русских в случае, если окажусь в Советской России и на нее нападут армии США и Англии. Но какова будет моя позиция, когда начнется война между капиталистической Японией и Советским Союзом, буду ли я на стороне Советов или буду бороться за Японию? — ответить на этот вопрос заранее невозможно, видно будет тогда, в конкретной обстановке. Если я отвечу сейчас, то на меня нападут и „патриоты“ и „новые мыслители“».

Тогава Сюкоцу (писатель). «Вы поставили меня в несколько затруднительное положение, задавая вопросы, очень отдаленные от нас и имеющие характер предположения. Мне кажется, война возникнет между иностранными государствами, и она не имеет отношения к нашей стране. Если говорить чисто теоретически, то я скажу, что буду на стороне социалистического государства».

Анкетные данные отражали в той или иной мере настроения различных слоев японской интеллигенции. Перед пролетарскими писателями стояла задача разоблачить не только прямых пособников войны, но и преступное равнодушие к ней, когда опасность агрессивной войны империалистической Японии против Китая и СССР с каждым днем нарастала.

Борьба против военной опасности, защита революционного Китая и СССР определили всю деятельность прогрессивных писателей Японии 1930-х годов. Японские писатели энергично поддержали предложение МОРПА превратить 1-е августа 1931 г. в антивоенный день. Демонстрация японских трудящихся проходила под лозунгом «Долой империалистическую войну!», «Защищайте Советский Союз!».

Для своей трудной борьбы прогрессивная Япония черпала силы в интернациональной солидарности народов, борющихся против империализма. В антивоенный день 1 августа 1931 г. общественные и культурные деятели Японии выступили с обращением к борцам сопротивления всех стран мира. В нем говорилось:

«...Империалистическая буржуазия перед лицом катастрофического экономического кризиса стремится найти выход в крестовом походе против победоносного социалистического государства и вмешательстве в дела Китая. Все признаки новой мировой войны, призывающей к взаимному истреблению сотен миллионов людей, отчетливо проявились в Европе и Азии <...> Но заговор империалистов и социал-фашистов вызывает революционное выступление мирового пролетариата <...> Только нерушимая международная солидарность и единство действий пролетариата и крестьянских масс СССР и капиталистических стран, стран Европы и Азии, империалистических стран и колоний является надежной гарантией предотвращения бесславной <войны>, гарантией полной <победы> над империалистической буржуазией.

Мы, пролетариат Японии, выражаем твердую решимость бороться рука об руку с братьями Европы и Америки против империалистической войны, в защиту СССР. В силу специфического положения нашей страны борьба против вмешательства в дела СССР и Советского Китая является нашей первой интернациональной задачей, и мы клянемся перед пролетариатом всего мира выполнить эту задачу...»⁴⁴

Под этим обращением стояли подписи руководителей НАПФа, редакции «Сэнки», Союза пролетарских писателей Японии и других организаций.

Замечательную страницу в японскую литературу сопротивления вписал Кобаяси Такидзи. Повесть «Жизнь для партии» была итогом творческой и революционной деятельности этого выдающегося японского писателя. Она написана Кобаяси Такидзи в подполье за несколько месяцев до его трагической гибели.

Повесть автобиографична. Рассказывая о мужественных борцах партии, о героических участниках японского сопротивления фашизму, Кобаяси говорил и о себе, о своей работе на одном из военных заводов, где он организовал по поручению партии выступления рабочих против захватнической войны японских империалистов в Китае.

Литературная и революционная деятельность Кобаяси вызвала ярость властей, готовивших в это время агрессивную войну против Китая. Писатель вынужден был уйти в подполье. 20 февраля 1933 г. он был убит в застенках особой полиции.

Убийство выдающегося революционного писателя вызвало волну возмущения не только в Японии, но и за ее пределами. Лу Синь писал в своей телеграмме:

«Народные массы Японии и Китая — братья с самого начала. Но капиталисты кровью обманутых масс нарисовали границу между ними. Рабочий класс и его авангард своей кровью смывают ее. Гибель товарища Кобаяси — реальное свидетельство этого. Мы пойдем вперед по пути, проложенному кровью товарища Кобаяси»⁴³.

Американский писатель М. Голд, потрясенный вестью о гибели Кобаяси Такидзи, написал о нем поэму, полную ненависти к фашистским палачам⁴⁴. Ежегодно, с 1953 г., в апреле, Япония отмечает День Кобаяси Такидзи. Имя выдающегося писателя-революционера стало знаменем прогрессивной литературы Японии.

После Харьковской конференции международные связи японской пролетарской литературы стали глубже и разностороннее. Деятельность пролетарских писателей Японии развивается уже не только в национальном, но и в международном масштабе. Важнейшие события японской пролетарской литературы немедленно находят отклик у единомышленников за рубежом. Глубоко взволновало деятелей пролетарской литературы Японии выступление делегаций Харьковской конференции с протестом против ареста пролетарских писателей Японии и преследования боевого журнала «Сэнки».

На утреннем заседании 9 ноября 1930 г. японский делегат Мацуяма рассказал участникам Харьковской конференции о героической деятельности «Сэнки» — наиболее крупного из массовых журналов японского пролетариата⁴⁵.

«Сэнки» был органом пролетарской литературы в годы ее наибольшего подъема. На его страницах печатались произведения не только японских писателей; благодаря ему японские писатели и читатели познакомились со многими выдающимися произведениями советской литературы, в том числе с «Разгромом» Фадеева. Став с октября 1930 г. агитационно-массовым журналом, «Сэнки» располагал значительными кадрами рабочих и крестьянских корреспондентов: по всей стране существовало около трехсот пунктов по распространению пролетарских журналов. Тираж «Сэнки» достигал в октябре 1930 г. тридцати тысяч экземпляров. Первый номер журнала, вышедший в свет в мае 1928 г., имел тираж в семь тысяч экземпляров, — следовательно за два с половиной года тираж его вырос больше чем в четыре раза. За это время «Сэнки» выпустил тридцать один номер, и из них восемнадцать подверглось конфискации. 20 мая 1930 г. на пролетарских писателей обрушились репрессии: в тюрьму было заключено десять видных представителей японской пролетарской литературы.

Для борьбы с реакцией японские писатели получили мощную поддержку со стороны литературного интернационала. В № 2 журнала «НАПФ» за 1931 г. были напечатаны протесты немецкой, американской, английской и китайской делегаций на Харьковской конференции. «Эти протесты пролетарских писателей придают нам силу, — говорилось в редакционной заметке журнала. — Самой большой радостью для нас является то, что мы находимся в одних рядах с пролетариатом всего мира»⁴⁶.

Свою признательность за проявление интернациональной солидарности японские пролетарские писатели выразили в следующем ответном письме:

«Товарищам из Клуба Джона Рида,
Товарищам из союза пролетарских <революционных> писателей Китая,
Товарищам из Союза пролетарских <революционных> писателей Германии,
Пролетарским писателям Англии — Хезлопу и Эллису.

Союз пролетарских писателей Японии выражает глубокую благодарность вам, протянувшим нам руку товарищеской дружбы, направив гневный протест против преследования „Сэнки“ и ареста десяти членов Союза пролетарских писателей Японии.

Репрессии правящих кругов Японии против „Сэнки“ с каждым днем усиливаются. Они не только ежемесячно налагают арест на „Сэнки“, но постоянно направляют <жандармерию> для <разгрома> редакции, <ареста> редакторов. Они действуют даже вопреки своим собственным законам для того, чтобы препятствовать выпуску „Сэнки“.

Но, несмотря на жестокие притеснения и средневековое <варварство> правящих кругов, „Сэнки“ мужественно борется, и издание его продолжается. И он ни разу не манкировал своей обязанностью — быть другом рабочих и крестьян в их повседневной жизни. Именно поэтому <„Сэнки“> пользуется у них всё большим доверием и лозунг „Защитим наш „Сэнки“ от вражеского нападения!“ сейчас раздается по всей стране.

Недавно шесть писателей из десяти арестованных были временно освобождены. Мы продолжаем борьбу за освобождение остальных <...>

Мы уверены, что ваши протесты, долетевшие до нас через моря и океаны, вызовут горячий отклик в душе японских рабочих и крестьян, усилят их стремление к интернациональному единству пролетариата.

Мы знаем, что основа интернационального единства пролетарского литературного движения окончательно заложена на Харьковской конференции, проходившей в ноябре прошлого года. Мы знаем также, что только в интернациональном единстве — гарантия верности нашего пути, только в нем — источник нашей силы.

<Да здравствует> интернациональное единство пролетарского литературного движения!

Разгромим белый террор силой международного единения!

Да здравствует Советский Союз — <отечество> рабочих и крестьян!

Да здравствует мировая <революция>!

Союз пролетарских писателей Японии
25 марта 1931 г.»⁴⁹

Гарольд Хезлоп горячо откликнулся на это письмо и написал ответ японским товарищам, в котором также отмечал необходимость интернациональной солидарности в революционной борьбе народов, когда война придвинулась вплотную к СССР:

«Дорогой товарищ Эгути Кан!

С большим вниманием, дважды, прочел я ваше письмо. Вы пишете об аресте десяти писателей, о цензурных рогатках, о своей страстной борьбе против варварского гнета. Я желаю, чтобы ваша борьба за освобождение заключенных в тюрьму товарищей поскорее увенчалась полным успехом. Люди, сумевшие создать такую сильную организацию, к которой принадлежат пролетарские писатели Японии, не могут допустить малейших колебаний в своей борьбе, ибо победа будет за ними <...>

Недавно я узнал, что мой роман „Красная земля“ переводится на японский язык и скоро будет издан в Японии. Для меня это большая радость. Такая активность культурной жизни свидетельствует о великом прогрессе этой страны. В Англии отвергается всякая пролетарская литература, английским читателям неизвестны произведения пролетарских писателей других стран, особенно Японии. Разумеется, англичане охотно читают книги японских буржуазных писателей. Но это приводит лишь к тому, что Япония остается в глазах англичан очень далекой страной.

Только организация, которую мы общими усилиями создали в прошлом году в Харькове, может разрушить преграды, созданные капитализмом перед рабочими всех стран. Преодолевая всяческие преграды, разъединяющие нас, мы соединяем свои руки. Кто в силах выразить всю красоту товарищеской солидарности пролетарских писателей всех стран? <...> Становится все более очевидным, что вскоре мы окажемся перед тяжелым испытанием. <Война>, которую готовят капиталистические страны

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РОМАНУ
ТОКУНАГА СУНАО
«УЛИЦА БЕЗ СОЛНЦА»
«Сэнки», 1929, № 11

太陽のない街 (4)
徳永直

突風

1 その前夜

世界各國の近代都市が、凡て、そうであるやうに、東京市も、その近接した外郭を、殆んど工場地帯で覆らしてゐた。品川以南京浜の一帯、大島町を中心とする城東方面、川島立地の全帯、北へ飛んで南北の兩千住、東に東南へ至り、十條——そして、此等の工場地帯は、大資本集中利用のパノラマの如く、劇然、より増大された資本の勢力を以て、丘岡を平ひらし泥濘を帯び河川を倒巻し、道路を塞いで、南西に、東南に、北東に——砂丘を浸してゆく。あけ溜のやうに、隅がり埋めてゆくのである。よ、土地の買収、在米権益の獲得、地方特権的権を制度の放棄に始まつて、ブルジョア政黨の露骨の妥協、合の所轄が終つた。こうして、土壌開墾と産業立國の

против Советской России, может начаться в самом недалеком будущем. Защита СССР — наша обязанность. И теперь одних лозунгов недостаточно <...> Я надеюсь, что вы еще напишете мне о том, как вы готовитесь к борьбе с этой военной опасностью <...>

Товарищи, я жду ваших писем. Советы ваши помогут мне и товарищу Эллису в нашей общей работе за установление знамени Харьковской конференции в Англии.

С наилучшим дружеским приветом

Гарольд Хезлоп

Лондон, 16 июля 1931 г.»⁵⁰

Связь японской пролетарской литературы с зарубежной нашла новую организационную форму в начале 1930-х годов, с вступлением Союза пролетарских писателей Японии в состав Международного объединения революционных писателей.

Необходимость вхождения в МОРП была признана еще на третьем съезде Союза пролетарских писателей Японии. В принятых на этом съезде решениях говорилось:

«Деятельность нашего союза и в прошлом развертывалась под знаком международной солидарности пролетариата, следовательно, и пролетарской литературы. В 1930 г. наши международные связи резко расширились. Важнейшими моментами в нашей работе были незамедлительное установление тесного контакта с Союзом пролетарских писателей Германии, а также с американской организацией в более широком масштабе, перевод произведений членов нашего союза на иностранные языки, мощные протесты международных организаций и отдельных товарищей против преследования членов нашего союза. Благодаря этому мы смогли быстро преодолеть узость нашего подхода к международным связям. Но для дальнейшего подъема нашей деятельности, направленной к усилению борьбы на литературном фронте Японии и выполнению возложенной на нас задачи содействовать развитию пролетарского литературного движения Китая и стран Восточной Азии, мы должны, соответственно решению Харьковской конференции 1930 г., вступить в международную организацию

пролетарского литературного движения и разворачивать всю свою работу на основе ее линии.

Харьковская конференция явилась важнейшим моментом в интернационализации японского литературного движения в 1930 г. Наш союз одобряет итоги Харьковской конференции и решение специальной японской комиссии, и он должен добровольно вступить в международную организацию, чтобы выполнить все свои задачи с интернациональных позиций. Деятельность нашего союза, направленная на международный рост пролетарской литературы, приобретет новый размах с его вхождением в международную организацию»⁵¹.

То обстоятельство, что японская организация пролетарской литературы со значительным опозданием стала секцией МОРПа, хотя в резолюции Харьковской конференции по Японии предлагалось «немедленное вступление Союза пролетарских писателей Японии в состав Международного объединения революционных писателей», говорит о том, что в пролетарском литературном движении Японии все же недооценивалось значение активных взаимосвязей революционных литератур.

Конечно, японские пролетарские писатели проделали большую работу по ознакомлению широких читательских масс с достижениями мировой революционной литературы. Еще в 1928 г. журнал «Сэнки» выпустил дополнительный номер под заголовком «Сборник мировой пролетарской поэзии», включавший стихотворения революционных поэтов СССР, Германии, Франции, Америки, Англии, Италии, Чехословакии, Китая и Кореи. В «Сэнки», «Бунсэне» и других пролетарских журналах впервые были напечатаны на японском языке произведения М. Горького и В. Маяковского, А. Барбюса и П. Вайяна-Кутюрбе, И. Р. Бехера и М. Голда, Лу Синя и многих других.

Однако необходимость активных взаимосвязей революционных литератур не всегда признавалась японскими деятелями пролетарской культуры. Переводы иностранных произведений часто преследовали узко литературные цели. Журнал «НАПФ», определяя направление своей работы, писал еще в 1930 г.: «На страницах „НАПФа“ будут напечатаны критические статьи о пролетарском литературном движении за рубежом, а также о творчестве иностранных писателей. Однако все эти материалы должны восприниматься пролетарским литературным движением нашей страны лишь как грубые камни чужих гор. Только в этом плане они могут быть использованы нами»⁵².

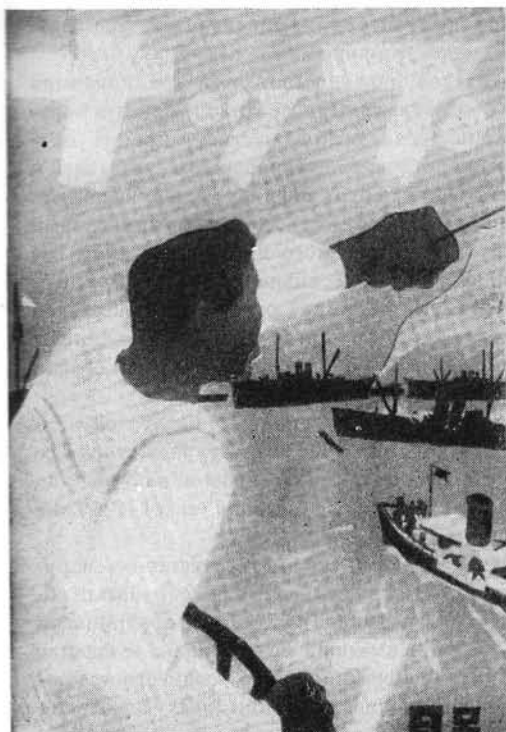
Ошибочная позиция редакции «НАПФа» была подвергнута резкой критике на третьем съезде Союза пролетарских писателей Японии: «Мы должны в своей конкретной практике ликвидировать ошибки, допущенные журналом „НАПФ“ по вопросу о нашем отношении к международному литературному движению», — подчеркивалось в «Уставах Союза 1931 г.», принятых на съезде.

В январе 1932 г. вышел первый номер журнала «Пурорэтариа бунгаку» — нового органа Союза японских пролетарских писателей. Определяя задачи журнала, Союз японских пролетарских писателей подчеркивал: «Нельзя сказать, что в нашем движении достаточно уделялось внимания международным связям; наоборот, можно указать на пассивность нашего восприятия международного опыта. Наш орган должен конкретно показать, что только позиция интернационализма открывает нашему движению правильные перспективы и что блестящие успехи социалистического строительства СССР во всех областях являются <вдохновляющим фактором> нашей борьбы»⁵³.

И спустя месяц, в феврале 1932 г., Союз японских пролетарских писателей присоединился к Международному объединению революционных писателей, став его секцией, а журнал «Пурорэтариа бунгаку» превратился в орган японской секции МОРПа.

«Литературный интернационал» стал для японских писателей не только мощной опорой в их антиимпериалистической борьбе: благодаря ему японская пролетарская литература стала достоянием читателей во всем мире. В 1931—1932 гг. в журнале МОРПа «Литература мировой революции» был опубликован ряд произведений японских писателей: Кобаяси Такидзи, Токунага Сунао, Катаока Тэппей, Киси Сандзи, Фудзимори Сэйкити и др.

Международное признание завоевала японская пролетарская литература в 1930-е годы и в Германии. Большую роль в ознакомлении немецких читателей с лучшими

プロレタリア××作家、第一回開國大会に於ける

日本プロレタリア文學運動についての報告

—その沿革、現勢、および將來—

松山敏

目次	第一節 日本プロレタリア文學運動の歴史時代 (二八八—二九二)
第一章 序論 (二八八—二九二)	第一節 民衆文學の發端 (一九一七—一九三〇)
第二章 序論 (二八八—二九二)	第二節 「労働文學」の發端 (一九三〇—一九三三)
第三節 「社會小説」の發端 (一九三三—一九三六)	第三節 「労働文學」の發端 (一九三三—一九三六)
第四節 「社會主義小説」の發端 (一九三六—一九三九)	第四節 再考 (一九三六—一九三九)
第五章 序論 (二八八—二九二)	第一節 アナ・ボルシェヴィキの發端 (一九五一—一九五二)
第六章 序論 (二八八—二九二)	第二節 社会主義の發端 (一九五二—一九五七)
第七章 序論 (二八八—二九二)	第三節 社長、××分社の發端 (一九五七—一九五八)
第八章 序論 (二八八—二九二)	第四節 ナゾの發端 (一九五八—一九五九)
第九章 序論 (二八八—二九二)	第五節 日本××主義文學運動の發端 (第一回)

«НАПФ»—ОРГАН ВСЕЯПОНСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПРОЛЕТАРСКОГО ИСКУССТВА, 1931, № 7

Здесь был напечатан доклад на Харьковской конференции японского делегата Мацуяма Бин (Кацумото Сэйитиро)

Обложка и страница с текстом доклада

произведениями японских пролетарских писателей сыграла специальная секция НАПФа в Берлине, организованная для осуществления связи пролетарской литературы Японии с революционной литературой других стран. Члены этой секции входили непосредственно в немецкие организации пролетарской культуры.

Совместными усилиями японских и немецких писателей был осуществлен полный перевод на немецкий язык романа Токунага Сунао «Улица без солнца», который вышел отдельной книгой в берлинском издательстве «Internationaler Arbeiter-Verlag» в ноябре 1930 г.⁵⁴ С января следующего года роман этого японского писателя печатался одновременно в сорока немецких пролетарских журналах⁵⁵.

Благодаря сотрудничеству писателей обеих стран, на немецкий язык были переведены также произведения Кобаяси Такидзи, Киси Сандзи и других, причем в немецких переводах повестей Кобаяси «Краболов» и «Пятнадцатое марта 1928 г.» были полностью восстановлены многочисленные цензурные купюры и искажения японских изданий. На английском языке сборник произведений японских пролетарских писателей вышел под названием «Краболов» в 1933 г. В письме японским писателям по случаю ежегодного Дня Кобаяси Такидзи и Миямото Юрико, М. Голд писал в 1955 г.: «Я не был в Японии. Но лет двадцать пять назад, когда я работал редактором „New Masses“, я общался с японскими пролетарскими писателями (...) Мы опубликовали многие ваши произведения на страницах нашего журнала, выпустили отдельным изданием сборник „Краболов“»⁵⁶. В этот сборник вошли также повесть Кобаяси Такидзи «Пятнадцатое марта 1928 г.», рассказы Токунага Сунао и Куросима Дэндзи.

Разумеется, японская литература и раньше переводилась на европейские языки. Но литературные гурманы искали в ней прежде всего традиционную экзотику, которую считали неизменной сущностью восточной культуры. Это и определяло характер

выбора произведений для перевода. Европейским читателям преподносились, главным образом, книги, воскрешающие архаическую Японию.

Творчество японских пролетарских писателей противостоит этой традиционной литературе и показывает реальную Японию с ее социальными противоречиями и борьбой народных масс. Японская литература стала органической частью мировой прогрессивной литературы. На этом новом этапе отношение европейских читателей к японской литературе решительно изменилось. Они увидели в ней не только общность стремлений простых людей к лучшей жизни, но и готовность соединенными силами разрушить старый мир. Говоря об огромном успехе немецкого перевода «Улицы без солнца», японский критик Хасимото Эйкити писал: «Чем сильнее зловоние Востока, тем лучше для буржуазной публики. Но „Улицу без солнца“ открыл для читателей пролетариат Германии и других стран. Почему? Потому, что пролетарии объединяют весь мир и они еще более сплотятся в предсмертный час капитализма. Харьковская конференция явилась выражением этого единства в области культуры»⁵⁷.

В 1930-е годы к Международному объединению революционных писателей присоединились и литературы стран Дальнего Востока. Японская литература, которая со времен революции Мэйдзи (1868) обращала свои взоры, главным образом, на Запад, на европейские страны, забывая о своих азиатских соседях, восстанавливает в 1930-е годы прерванную связь с литературами Китая и Кореи.

Вступив на путь агрессивной войны, японские империалисты стремились заручиться моральной поддержкой народов Востока. Для идеологической обработки общественного мнения в угодном для японских агрессоров духе был сфабрикован фашистский «новый порядок» в Восточной Азии, имевший целью якобы «создание Великой Восточноазиатской сферы совместного процветания». Это «совместное процветание» предусматривало колониальное присоединение к Японии всех азиатских стран.

Идеологическая экспансия японского империализма не могла обойтись без помощи литературы. Жестко подавляя революционные выступления народов Дальнего Востока, японская военщина стремилась сколотить блок из реакционных писателей этих стран для совместных действий, направленных на оправдание своей захватнической политики. В эти годы корейский писатель Ли Кван Су выступает с проповедью так называемого «преобразования нации», призывая каждого корейца раствориться в «великом плане создания Великой Азии» под эгидой японской империи. Наконец, в Токио был созван «съезд писателей Великой Восточной Азии» (1942) с целью «способствовать при помощи литературы победоносному завершению войны в Великой Восточной Азии».

В душную пору реакции и фашизма постепенно складывалась идея единого фронта революционных писателей Японии, Кореи и Китая. Харьковская конференция особенно подчеркнула необходимость более тесного контакта между литературами этих стран.

Конечно, на пути сближения встречались и барьеры: в те годы колониального угнетения народы Дальнего Востока отказывались от «всего японского». Однако в общем историческом опыте борьбы народов за освобождение выявился новый идейный пафос революционных литератур, сплачивающий народы на борьбу против общего врага — японского империализма. Так в 1930-х годах, в условиях революционного подъема на Дальнем Востоке устанавливается другая линия взаимосвязей литератур этой части земного шара, активно противостоящая реакционному блоку буржуазных писателей.

Единство пролетарского литературного движения стран Дальнего Востока было необходимо для решения не только внутренних задач революционной литературы, но и коренных вопросов, стоявших перед пролетариатом: борьбы с войной и колониализмом. В статье «Современное состояние пролетарского литературного движения в Корее», предназначенной для журнала «НАПФ» (1931), корейский критик Ан Мак писал: «Ожесточенная классовая борьба эпохи империализма требует не просто дружеских отношений между пролетариатом метрополии и пролетариатом колониальных и полувисимых стран в их <революционной> борьбе. Неотложной задачей дня является солидарность борьбы пролетариата метрополии с <антиимпериалистической> борьбой

ПЬЕСА С. М. ТРЕТЬЯКОВА
«РЫЧИ, КИТАЙ» НА СЦЕНЕ
ЯПОНСКОГО ТЕАТРА
ЦУКИДЗИ СЁГЭКИДЗЁ.
Токио, январь 1930 г.

Афиша

Собрание О. В. Третьяковой,
Москва

в колониях <...> <Коммунистическое> движение в Корее оказывает непосредственное влияние на революционную борьбу японских трудящихся. В наши дни, когда укрепляется союз корейской национальной буржуазии с буржуазией Японии, единство пролетариата обеих стран имеет громадное значение.

Пролетарское литературное движение Японии и Кореи становится на путь большевизации. В этой обстановке организационное единение пролетарского литературного движения Японии и Кореи является жизненной потребностью. Как подчеркнуто в резолюции по японской литературе, принятой на Международной конференции пролетарских писателей в Харькове, НАПФ должен уделять больше внимания и оказывать помощь пролетарскому литературному движению в Корее. НАПФ и КАПФ должны немедленно установить между собой организационные связи. Это важнейшие очередные задачи пролетарского литературного движения Японии и Кореи»⁵⁸.

Задача установления тесного контакта с революционной литературой Кореи и Китая выдвигалась как одна из важнейших в «уставах Союза японских пролетарских писателей 1931 г.»: «Мы должны начать активную деятельность во имя интернационализации нашего движения, — говорится в «уставах». — Итоги Харьковской конференции. ее резолюция по Японии <...> обязывают нас объединиться с литературным движением в японских колониях, а также с японской эмиграцией; они призывают нас активно содействовать развитию пролетарского литературного движения в Азии»⁵⁹.

Растущие связи японских писателей с пролетарскими писателями Кореи требовали новых организационных форм совместной работы. В феврале 1932 г. Японская федерация пролетарской культуры создала специальную комиссию по Корее («Тёсэн кёгикай») для сотрудничества с корейскими писателями. С мая 1932 г. корейская комиссия начинает выпускать свой журнал «Ури тонму» («Наш друг»).

В 1931 г. в Токио функционировал филиал Корейской федерации пролетарского искусства со своим органом «Мусанза» («Пролетарий»). Его деятельность развивалась в тесной связи с пролетарской литературной организацией Японии.

В эти годы «Сэнки» и «НАПФ» регулярно печатали боевые корреспонденции, при-
сылавшиеся в редакцию корейскими читателями. Пролетарские органы Японии широ-
ко открыли двери для сотрудничества с корейскими писателями, писавшими на япон-
ском языке. Поэзия Ким Чон Хана, Ким Бен Хана, проза Ким Са Ряна и других,
обращенные к японским читателям, обнажали темные стороны японского империализ-
ма, призывали народы к совместной борьбе с ним. Примечательно, что составители де-
вятитомной «Серии по истории японской пролетарской литературы», о которой мы
говорили выше, включили в нее произведения этих корейских писателей, считая их
неотъемлемой частью художественного наследия революционной литературы Японии.

В 1930-х годах — через головы японской военщины и Чан Кай-ши — протянули друг
другу руку революционные писатели Японии и Китая. В 1931 г. японские писатели
выступили с энергичным протестом против казни революционных писателей Китая
гоминдановскими правителями. Тема солидарности с борющимся китайским народом
становится одной из ведущих тем японской пролетарской литературы этих лет (Куро-
сима Дэндзи «Передовой пост», Мураяма Томоёси «Записки о террористах», Маэдако
Коитиро «Чан Кай-ши» и др.).

В эти годы особенно усиливается интерес китайских писателей к опыту японской
пролетарской литературы. Общность иероглифического письма и тесные политико-
экономические отношения обеих стран способствовали взаимному знакомству.
«Я знаю, что японская революционная литература оказывала большое влияние на
литературное движение Китая, — отмечала писательница Дин Лин. — В 1930-х годах
большинство книг по марксистско-ленинской теории литературы было переведено на
китайский язык с японского (<...>). Особенно произведения социалистического реалиста
Кобаяси Такидзи, его твердая воля к борьбе и дух самопожертвования оказали на
нас глубокое воздействие»⁶⁰.

Фрагменты повести Кобаяси Такидзи «Краболов» были напечатаны на китайском
языке в 1930 г. Прочитав их, критик Жо Циня писал: «.. Быть может, сторонники
„чистого искусства“ недоуменно пожмут плечами и скажут, что невозможно читать
книгу, в которой так много ничем не прикрытых описаний, грубых выражений. Да,
они есть в повести. Но задача искусства заключается в том, чтобы разбудить чита-
теля, воспитать в нем классовое сознание, поднять его к организованному действию.
В этом смысле можно смело сказать, что „Краболов“ является шедевром пролетарской
литературы»⁶¹.

Вскоре после появления статьи Жо Циня был издан на китайском языке полный
перевод повести «Краболов». В предисловии к этому изданию автор писал: «Разве
нельзя прямо соотнести каторжный труд рабочих „Краболова“, подвергающихся жест-
очайшей эксплуатации, с положением китайского пролетариата, скованного цепью
империализма и подвергающегося зверским издевательствам? Можно! В таком случае
мой скромный труд обретет силу. Я верю в это. Итак, китайские друзья, идущие
с нами одним путем, я желаю вам быть всегда бодрыми и веселыми»⁶².

Объединение революционных литератур стран Дальнего Востока вызвало оже-
сточенные нападки со стороны реакции и свирепый полицейский террор. В 1934 г.
было арестовано более двухсот членов Корейской федерации пролетарского искусства.
В том же году прекратил свое существование Союз японских пролетарских писателей.
К этому времени были фактически распущены все прогрессивные культурные органи-
зации Японии, а их лидеры брошены в тюрьмы.

Друзья и товарищи —
Все, кого так называю, —
Заключены в тюрьму...
О, звон их цепей железных
И Горького смелая песня! *

Это четверостишие пролетарского поэта Ватанабэ Дзюндзо живо передает атмо-
сферу тех лет. Смелую песню Горького пронесли через все годы реакции и войны
японские писатели-революционеры.

* Перевод В. Марковой.

Художественное наследие японских пролетарских писателей 1920—1930-х годов тесно связано с прогрессивной литературой современной Японии. Исходя из своих национальных задач, современные японские писатели продолжают и развивают лучшие традиции революционной литературы прошлого. Творчески осваивая их, деятели культуры всё глубже осознают значение взаимосвязей японского пролетарского литературного движения с литературным интернационалом революционных писателей всего мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мацумото Масао. О международной оценке творчества Кобаяси Такидзи и Миямото Юрико (1954); Нара Кацую. Влияние японской пролетарской литературы на китайскую (1955); Кавагути Хироси. Связи японской пролетарской литературы с зарубежной (1960) и др.

² О жизни и творчестве В. Я. Ерошенко (1890—1952) в годы его скитаний по странам Востока — см. в кн.: Р. Белоусов. В тысячах иероглифов. М., 1963, стр. 215—255.

³ См. Ямада Сэйдзабуро. Пурорэтариа бунгаку си («История японской пролетарской литературы»), т. 1. Токио, 1954, стр. 274.

⁴ Там же.

⁵ «Правда», 1924, № 208, 13 сентября.

⁶ Мацуюма (Кацумото Сэйитиро). Пролетарская литература Японии. — «Литература мировой революции», 1931, № 1, стр. 94.

⁷ «Правда», 1924, № 208, 13 сентября.

⁸ Ямада Сэйдзабуро. «О Лиге японской пролетарской литературы и искусства». — Газета «Ёммури» 1925, 7 августа.

⁹ Цит. по статье Н. И. Фельдман. Из истории японского пролетарского литературного движения (Документация). — В кн.: «Японская литература. Исследования и материалы». М., 1959, стр. 159.^{*}

¹⁰ Там же, стр. 160.

¹¹ См.: Ямада Сэйдзабуро. Пурорэтариа бунгаку си, т. 2, стр. 100.

¹² Цит. по кн. Ямада Сэйдзабуро. Пурорэтариа бунгаку си, т. 2, стр. 108.

¹³ О причинах раскола см. подробно в цитируемой выше статье Н. И. Фельдман. Из истории японского пролетарского литературного движения, стр. 174.

¹⁴ «Японская литература. Исследования и материалы», стр. 182.

¹⁵ «Бунгаку». Токио, 1964, № 1, стр. 114—115.

¹⁶ Сэнда Корэя. Сидзин-ё ицуварэ! — «Сэнки», Токио, 1928, № 9, стр. 171.

¹⁷ «Сэнки», 1928, № 10, стр. 148—149.

¹⁸ В некоторых японских исследованиях ошибочно указано, что Мацуюма Бин — псевдоним писателя Фудзимори Сэйкити (см. Ямада Сэйдзабуро. Пурорэтариа бунгаку си, т. 2, стр. 263; «Нихон пурорэтариа бунгаку тайкэй», т. 5, стр. 396; Кавагути Хироси. Связи японской пролетарской литературы с зарубежной. — «Такидзи-то Юрико», 1960, № 12, стр. 12). На самом же деле под этим псевдонимом выступал на конференции Кацумото Сэйитиро (см. ст.: Кацумото Сэйитиро. Пролетарская литература и я. — В кн.: «Гэндай ниhon бунгаку кодза», т. 6. Токио, 1962, стр. 323.

¹⁹ Полный текст доклада Кацумото Сэйитиро на Харьковской конференции включен в 5-й том «Серии материалов по истории японской пролетарской литературы». Отдельные положения доклада вошли в статью Мацуюма (Кацумото) «Пролетарская литература в Японии», напечатанную в «Литературе мировой революции», 1931, № 1, стр. 131—133.

²⁰ «Литература мировой революции». Вторая Международная конференция революционных писателей. Специальный номер, 1931, стр. 4.

²¹ «Кайдзо», 1923, № 2, стр. 173—174.

²² Екомицу Рити. Дзэнсю, т. 12. Токио, 1956, стр. 233.

²³ «Литература мировой революции», 1931, № 1, стр. 96.

²⁴ «Нихон пурорэтариа бунгаку тайкэй», т. 5. Токио, 1955, стр. 309.

²⁵ «Бунгаку», 1962, № 9, стр. 6.

²⁶ «Нихон пурорэтариа бунгаку тайкэй», т. 5, стр. 310.

²⁷ Там же, стр. 206.

²⁸ Ямада Сэйдзабуро. Пурорэтариа бунгаку си, т. 2, стр. 228.

²⁹ «Бунгаку», 1964, № 4, стр. 89.

³⁰ «Вестник иностранной литературы», 1929, № 1, стр. 199.

³¹ Кацумото Сэйитиро. Пролетарская литература и я. — В кн.: «Гэндай ниhon бунгаку кодза», т. 6, стр. 323.

³² «Литература мировой революции», 1931, № 6, стр. 125.

³³ Там же, стр. 126.

³⁴ Кобаяси Такидзи. Дзэнсю, т. 9. Токио, 1951, стр. 212.

- ³⁵ «Бунсэн», 1931, № 9, стр. 15.
³⁶ «НАПФ», 1931, № 4, стр. 212—213.
³⁷ Там же, № 5, стр. 186—187.
³⁸ Там же, стр. 188—189.
³⁹ «Нихон пурорэтэриа бунгаку тайкэй», т. 5, стр. 273.
⁴⁰ «Литература мировой революции». Вторая Международная конференция революционных писателей. Специальный номер, 1931, стр. 125.
⁴¹ «Нихон пурорэтэриа бунгаку тайкэй», т. 5, стр. 277—278.
⁴² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 4, стр. 431.
⁴³ «Литература мировой революции». Вторая Международная конференция революционных писателей. Специальный номер, 1931, стр. 98.
⁴⁴ «НАПФ», 1931, № 8, стр. 82—83.
⁴⁵ «Такидзи-то Юрико», 1956, № 15, стр. 27.
⁴⁶ См. письмо Голда японским писателям. — «Такидзи-то Юрико», 1955, № 9, стр. 4—7.
⁴⁷ В «Литературе мировой революции» (1931, № 2-3, стр. 180) сказано, что протесты делегатов конференции были направлены «против преследования органа пролетарской литературы Японии — журнала „Сэнки“». Однако с октября 1930 г. «Сэнки» стал самостоятельным органом агитационно-пропагандистского характера. В докладе Мацуяма на Харьковской конференции говорится по этому поводу следующее: «В условиях, когда Японская Коммунистическая партия подвергается беспрепятственным репрессиям и большинство ее легальных изданий вынуждено перейти в подполье, „Сэнки“ должен был стать политико-агитационным журналом рабочих и крестьянских масс» (см.: «Нихон пурорэтэриа бунгаку тайкэй», т. 5, стр. 319). Органом НАПФа стал журнал «НАПФ».
⁴⁸ «НАПФ», 1931, № 4, стр. 224.
⁴⁹ Там же, стр. 210—211.
⁵⁰ Там же, № 9, стр. 58—60.
⁵¹ «Нихон пурорэтэриа бунгаку тайкэй», т. 5, стр. 277.
⁵² «НАПФ», 1930, № 9, стр. 3.
⁵³ «Нихон пурорэтэриа бунгаку тайкэй», т. 6, стр. 211.
⁵⁴ Die Strasse ohne Sonne. Ein japanischer Arbeiter-Roman von N. Tokunaga. Berlin, 1930.
⁵⁵ См. «НАПФ», 1931, № 4, стр. 119.
⁵⁶ «Такидзи-то Юрико», 1955, № 9, стр. 4—5.
⁵⁷ «НАПФ», 1931, № 3, стр. 24.
⁵⁸ «Нихон пурорэтэриа бунгаку тайкэй», т. 5, стр. 256. КАПФ — сокращенное наименование корейской пролетарской литературной организации. До сих пор во всех работах, посвященных корейской литературе 1920—1930-х годов, КАПФ назывался КАПП (Корейская ассоциация пролетарских писателей) наподобие РАППа. Это ошибка. КАПФ был не только писательской организацией, а объединением деятелей искусства во всекорейском масштабе. Это Корейская федерация пролетарского искусства, сокращенно КАПФ (на эсперанто: Korea Artista Proleta Federatio).
⁵⁹ Там же, стр. 276.
⁶⁰ Цит. по статье Н а р а К а д з у о. О влиянии японской пролетарской литературы на китайскую. — «Такидзи-то Юрико», 1955, № 13, стр. 46.
⁶¹ Цит. по статье Н а р а К а д з у о. Творчество Кобаяси Такидзи в Китае. — «Такидзи-то Юрико», 1956, № 5, стр. 26.
⁶² К о б а я с и Т а к и д з и. Дзэнсю, т. 8, стр. 77.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ОБРАЩЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СОЮЗА ЯПОНСКИХ ПРОЛЕТАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И СОЮЗА ЯПОНСКИХ ПРОЛЕТАРСКИХ ТЕАТРОВ В СЕКРЕТАРИАТ МОРПа

Берлин, 4 мая 1932 г.

Уважаемые товарищи!

Как вам уже известно, начавшееся 24 марта в Японии подавление движения за пролетарскую культуру становится день ото дня все сильнее. Это означает, что японское правительство направило грубую силу против единственного легального крыла рабочего движения. Оно только что объявило, что решило уничтожить все пролетарские культурные организации, потому что во всех этих массовых организациях имелись коммунистические фракции, а Коммунистическая партия объявлена в Японии вне закона.

Сегодня мы получили из Японии подробное сообщение о преследовании рабочего движения и призыв к рабочим других стран (прилагаем их к настоящему обращению).

Мы надеемся, что вы широко распространите этот призыв в Советском Союзе, чтобы трудящиеся Страны Советов узнали о серьезном положении, создавшемся на Дальнем Востоке, и о мужественной борьбе японских товарищей против японского фашизма и империализма.

Одновременно с этим мы надеемся на ваш незамедлительный протест против действий японского правительства, арестовавшего наших отважных товарищей. Мы надеемся, что под этим протестом подпишется ряд советских культурных организаций и отдельных товарищей.

Полагаем, что крайне необходимо создать в Москве чрезвычайную «Японскую комиссию» для проведения дискуссии о задачах реконструкции японских пролетарских культурных организаций, — в следующем составе:

- 1) Секретариат Международного объединения революционных писателей;
- 2) Секретариат Международного союза рабочих театров;
- 3) Европейский представитель Союза японских пролетарских писателей;
- 4) Европейский представитель Союза японского пролетарского театра;
- 5) Московский представитель Коммунистической партии Японии;
- 6) Товарищ Сен Катаяма в качестве представителя Коминтерна.

Секи Сано в ближайшее время отправится в Москву для работы в секретариате Международного союза рабочих театров. Сейитиро Кацумото, по приглашению секретариата Восточноазиатской комиссии Международного объединения революционных писателей, также поедет в Москву для участия в работе этой Комиссии.

Мы были бы вам очень благодарны, если бы вы приняли все меры для организации упомянутой нами «Японской комиссии» и для нашей поездки в Москву.

Просим вас дать нам немедленно ответ.

С пролетарским приветом

Сейитиро Кацумото —

европейский представитель Союза японских пролетарских писателей

Секи Сано —

европейский представитель Союза японских пролетарских театров.

ОБРАЩЕНИЕ ЯПОНСКИХ ПРОЛЕТАРСКИХ КУЛЬТУРНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Товарищи!

В конце марта японская буржуазия вновь приступила к подготовке империалистической войны. В Японии начались массовые аресты революционно настроенных рабочих и крестьян и уничтожение пролетарских революционных организаций. И то и другое сейчас, как и раньше, представляет собой первые предпосылки развязывания империалистической войны, в целях обеспечения «спокойствия и порядка» в тылу.

Во время выборов в парламент в феврале 1932 г. был арестован единственный легальный кандидат пролетариата по округу Токио; он руководил нелегальной Коммунистической партией Японии. При этом не только были арестованы пять членов Центрального комитета Коммунистической партии Японии, но преследованиям подверглись и революционные рабочие, собиравшиеся голосовать за этого кандидата.

В Японии, где большая часть важнейших пролетарских организаций — Японская Коммунистическая партия, Японский Коммунистический союз молодежи, Красные профсоюзы, Японская секция Лиги борьбы против империализма, Японская Красная помощь — была вынуждена перейти на нелегальное положение, единственная легальная пролетарская революционная массовая организация, а именно, Федерация пролетарских культурных организаций (сходная по своей структуре с пролетарской культурной организацией IFA в Германии), разумеется, играет важнейшую роль в классовой борьбе японского пролетариата. С самого начала войны, вернее с самого начала подготовки к империалистической войне и интервенции против Советского Союза и Советского Китая, эта федерация деятельно руководила борьбой масс против опасности войны, в соответствии с большевистской тактикой Коммунистической партии Японии.

Федерация в качестве единой культурной организации была основана лишь в ноябре прошлого года; она состоит из пятнадцати организаций, существовавших до сих пор независимо друг от друга. Федерация и примкнувшие к ней организации издают ряд ежемесячных массовых изданий («Пролетарская культура», «Друзья масс», «Трудящиеся женщины», «Юные пионеры», «Иллюстрированная газета», «Рабочий», «Пролетарская литература», «Пролетарский театр», «Пролетарская наука», «Наши занятия», «Пролетарское искусство», «Пролетарское кино», «Пролетарская поэзия», «Товарищ», «Воинствующие безбожники», «Новая педагогика») и выходящие каждые две недели массовые газеты («Литературная газета», «Театральная газета», «Искусство», «Кино», «Музыка»). Эти журналы и газеты играют неоценимо важную роль в просвещении и мобилизации широких масс — погрязших в нужде рабочих и крестьян.

Чтобы возобновить в народе воспоминание о незабвенных событиях 15 марта 1928 г. и поднять их боевое настроение, Федерация в марте организовала ряд собраний на темы: «Женский вечер», «Вечер, посвященный Америке и Советскому Союзу», «Вечер,

посвященный Китаю и Корее» и т. п. Эти собрания велись под лозунгом борьбы с разбойничьей империалистической войной против Китая и Советского Союза.

Чем важнее роль, которую играет Федерация в настоящее, чрезвычайно тяжелое время, тем более жестоки гнет и преследования, организуемые японским правящим классом. Японское правительство, все более и более склоняющееся к фашизму, в последнее время, в нарушение всех прав, закрыло почти все газеты и журналы Федерации и запретило перечисленные выше собрания.

24 марта был арестован активный сотрудник Института пролетарских наук товарищ К. Ямада. Начиная с этого дня и до 28 марта было арестовано одиннадцать товарищей из секретариата Центрального совета Федерации. Наш товарищ К. Курахара был арестован 9 апреля на своей конспиративной квартире в Токио, а затем до 12 апреля было арестовано еще двадцать шесть человек из центральных правлений различных организаций Федерации.

12 апреля во всех буржуазных газетах появилось сообщение японского правительства, в котором оно объявило о своем намерении не только предъявить обвинение коммунистической фракции Федерации, но и полностью уничтожить все ее организации. Дело в том, что во время этого разбойничьего набега господствующий класс Японии ясно увидел, какую важную и полезную для пролетарской революции роль играет Федерация.

В настоящее время Федерации грозит окончательный запрет. Это значит, что будет уничтожена единственная легальная революционная массовая организация пролетарской культуры, которая, в соответствии с большевистской тактикой Коммунистической партии Японии, мобилизовала широкие слои рабочих, крестьян и мелкой буржуазии для победоносной пролетарской революции, в настоящее же время на борьбу против разбойничьей империалистической войны и интервенции против Советского Союза и Советского Китая. Если Федерация будет запрещена, то это нанесет поистине жестокий удар пролетарскому революционному движению в Японии. Запрещение Федерации — это не что иное как предпосылка к империалистической войне и военной провокации против Советского Союза.

Мы должны решительно устранить эту опасность путем массового протеста и превратить Федерацию в организацию подлинно массовую. Мы уже приступили к этой борьбе, выставив следующие лозунги:

Боритесь против запрета пролетарского культурного движения!

За немедленное освобождение революционных борцов пролетарского культурного движения!

Создавайте культурные кружки на крупных предприятиях и в важных отраслях промышленности!

Создавайте отделения различных культурных организаций и провинциальные советы в важнейших провинциях!

Долой буржуазную, фашистскую и социал-фашистскую культуру!

Защищайте Федерацию!

Боритесь против белого террора!

Долой фашизм и социал-фашизм!

Боритесь против империалистической войны!

Боритесь против раздела Китая, против интервенции, угрожающей Советскому Союзу!

Далее необходимо, чтобы массовое движение протеста было организовано на основах пролетарской солидарности в международном масштабе. Мы надеемся, что пролетарии всех стран дадут нам совет относительно реорганизации Федерации.

С революционным приветом.

<Далее следует перечень девятнадцати пролетарских организаций Японии, подписавших обращение.>